ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2015
XXIV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1155
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXIV

Экспресс-выпуск • Express-issue

2015 № 1155

СОДЕРЖАНИЕ

2103-2126 Охотничьи птицы Псковской области: рябчик *Tetrastes (Bonasa) bonasia*. Часть 1. Статус, распространение и численность. С. А. ФЕТИСОВ

2126 О смешанной паре белой *Parus cyanus* и желтогрудой *P. flavipectus* лазоревок в предгорьях Киргизского хребта. Т. ХАРДЕР

2127-2132 Некоторые интересные встречи птиц в окрестностях Магадана в зимне-весенний период 2014/15 года. И. В. ДОРОГОЙ

2133-2134 Слёток сороки *Pica pica* с аномалией клюва и коричневой окраской оперения в Чуйской долине. И. Р. РОМАНОВСКАЯ, Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ

2134-2135 Развитие птенцов скопы *Pandion haliaetus*. Б. И. ИЗГАЛИЕВ

2136-2137 Встречи линных розовых скворцов *Pastor roseus* в Таласской долине на юге Казахстана. А. М. СЕМА, С. В. ШИМОВ

2137-2138 Залёт воронков *Delichon urbica* на остров Медный, Командорские острова. Е. Г. МАМАЕВ

2138-2143 Особенности зимовки кряквы *Anas platyrhynchos* в Иркутске в 1990-е годы. И. В. ФЕФЕЛОВ

2143 Филин *Bubo bubo* в Степной Даурии. В. П. БЕЛИК

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2015
Дата опубликования: 24 июня 2015

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXIV
Express-issue

2015 № 1155

CONTENTS

2103-2126 Hunting birds of the Pskov Oblast: the hazel grouse *Tetrastes (Bonasa) bonasia*. Part 1. Status, distribution and abundance. S. A. FETISOV

2126 On a mixed pair of *Parus cyanus* and *P. flavipectus* in the foothills of the Kirghiz Range. T. HARDER

2127-2132 Some interesting records of birds in the vicinity of Magadan in the winter-spring period 2014/15 year. I. V. DOROGOY

2133-2134 A fledglings magpie *Pica pica* with anomaly beak and brown plumage coloration in the Chui Valley. I. R. ROMANOVSKAYA, N. N. BEREZOVIKOV

2134-2135 Development of nestlings in the osprey *Pandion haliaetus*. B. I. IZGALIEV

2136-2137 Observation of moulting rosy starlings *Pastor roseus* in Talas valley in southern Kazakhstan. A. M. SEMA, S. V. SHIMOV

2137-2138 The appearance of the house martin *Delichon urbica* on Copper Island, Commander Islands. E. G. MAMAEV

2138-2143 Peculiarities of mallard *Anas platyrhynchos* wintering in Irkutsk in the 1990s. I. V. FEFELOV

2143 The eagle owl *Bubo bubo* in Steppe Dauria. V. P. BELIK

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2015

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1155**: 2103-2126*

Охотничьи птицы Псковской области: рябчик *Tetrastes (Bonasa) bonasia*.
Часть 1. Статус, распространение и численность

С.А.Фетисов

Сергей Анатольевич Фетисов. Национальный парк «Себежский», ул. 7 Ноября, 22, Себеж, Псковская область, 182250, Россия. E-mail: Seb_park@mail.ru

Поступила в редакцию 9 марта 2015

Несмотря на то, что рябчик *Tetrastes (Bonasa) bonasia* был и остаётся одним из важнейших объектов промысловой и спортивной охоты на всей территории Псковского края* (Зарудный 1910; Чистовский 1927а,б; Русаков 1966, 1970а, 1972а, 1975б; Русаков, Русакова 1969, 1986) – этот вид весьма слабо изучен не только на территории бывшей Псковской губернии†, но и современной Псковской области. В частности, до сих пор явно требуют доработки вопросы, касающиеся размножения и питания, линьки, территориального и защитного поведения, способов движения, ухода за оперением, а также значения для рябчика галечников и «порхалищ» и многие другие. В связи с этим было решено, насколько это в моих силах, восполнить эти пробелы, обобщив все сведения по биологии рябчика, которые удалось найти в литературе и архивах по Псковскому краю, и дополнив их собственными наблюдениями, проведёнными в 1971-2014 годах.

Впервые я приступил к изучению экологии рябчика в Себежском районе, на юго-западе Псковской области. Тогда этот вид был выбран объектом моего первого самостоятельного исследования – курсовой работы (Фетисов 1972), выполненной под руководством А.С.Мальчевского на кафедре зоологии позвоночных Ленинградского университета. Потом последовала дипломная работа на ту же тему (Фетисов 1973), так что за два года (1971-1972) мне удалось собрать довольно разносторонние материалы по экологии рябчика в Псковском Поозерье. Для этого проводились регулярные маршрутные учёты птиц, в том числе с использованием манка на рябчика, специальные наблюдения из укрытий, фотографирование, отлов птиц и временное содержание их в вольере в условиях, близких к естественным и т.п. К сожалению, после окончания мной Ленинградского университета последовал перерыв в

* Под Псковским краем имеется ввиду общая территория не совпадающих в своих границах Псковской губернии и Псковской области (Пожидаев и др. 1988).

† В своё время даже сам Н.А.Зарудный (1910) признался в том, что данных по биологии рябчика почти нет, в том числе для написания краткого очерка об этом виде в книге «Птицы Псковской губернии».

моих исследованиях рябчика до 1982 года. Кроме того, я не смог больше проводить длительных наблюдений только за этим видом, потому что с 1982 года моей главной задачей стало изучение всей орнитофауны Псковской области. Однако рябчик был включён мной в группу модельных видов для изучения экологии лесных птиц. При этом, начав работать в составе экспедиционных отрядов сначала Биологического научно-исследовательского института Ленинградского университета, а потом Псковского полевого отряда Балтийского фонда природы (Конечная, Сагитов, Фетисов 1998; Сагитов, Фетисов 1998; Конечная и др. 1999; Фетисов, Конечная, Мусатов 2000; и др.), регулярно получавших заказы от различных природоохранных структур Псковской области на обследование разных административных районов, я получил возможность собирать сведения по экологии рябчика, помимо Себежского района, также в Бежаницком, Великолукском, Гдовском, Дедовичском, Дновском, Красногородском, Куньинском, Локнянском, Невельском, Опочецком, Порховском, Псковском, Пустошкинском, Усвятском и соседних районах (Мальчевский, Фетисов, Ильинский 1984; Фетисов, Ильинский 1993а,б; Бардин и др. 1995; Фетисов и др. 1996а,б, 1997, 1998а-г, 2001; Фетисов, Ильинский, Конечная 1997; Конечная, Фетисов 1999а,б; и др.). При этом я ещё ни разу не обобщал материалы по рябчику, собранные в 1982-2014 годах, и теперь с удовольствием делаю это на страницах «Русского орнитологического журнала».

Статус вида

В Псковском крае рябчик известен с давних времён. По крайней мере, с 1607 года он уже значился под названием «ряб» в одном из словарей псковских слов, изданном в Дании (Hammerich, Jakobson 1967).

На всей территории Псковского края обитает номинативный подвид рябчика (рис. 1а-в) – восточноевропейский рябчик *Tetrastes bona sia bonasia* (Linnaeus, 1758) (Михеев 1952; Потапов 1987; и др.).

Характер пребывания рябчика на рассматриваемой территории ни у кого не вызывает сомнений: все орнитологи, работавшие в Псковской губернии или области, единодушно считают его оседлым (гнездящимся) видом (Порчинский 1872; Бихнер 1884; Дерюгин 1897; Зарудный 1910; Чистовский 1927а,б; Урядова, Щеблыкина 1993; Фетисов и др. 2000, 2002), впрочем, как и в других местах европейской части России (Бианки 1922; Иванов 1976; Потапов 1987; Косенко 2013), а также во всех соседних с Псковской областью регионах: Белоруссии, Латвии, Эстонии и сопредельных областях России – Ленинградской, Новгородской, Тверской и Смоленской (Тауриньш 1983; Viht 1994; Никифоров и др. 1997; Те и др. 2006; и др.). Хотя, если подходить к пониманию вопроса об осёдлости птиц более строго, следует помнить, что молодым рябчикам вовсе не свойственна та степень осёдлости, какая отличает

взрослых, уже размножавшихся особей; напротив, молодые рябчики весьма склонны к расселению и предпринимают для этого ежегодные кочёвки (Мальчевский, Пукинский 1983).

Рис. 1. Рябчик *Tetrastes bonasia*. *а* – взрослый самец; *б* – взрослая самка; *в* – птенец в возрасте нескольких дней. Национальный парк «Себежский». 2004-2010 годы. Фото автора.

Распространение и численность

В Псковской губернии рябчик был более или менее обычен повсюду, где имелись большие смешанные, преимущественно сырые леса; поистине в «громадном числе» он обитал в Порховском и Холмском уездах (Зарудный 1910). В Гдовском уезде, входившем в XIX веке в состав Санкт-Петербургской губернии, рябчик был многочислен только в южной – наиболее лесной – части уезда (Порчинский 1872), а в псковских уездах он гнездился как в «типичной», так и «разреженной» тайге

(Дерюгин 1897). В частности, множество рябчиков водилось в лесах Вдовщины, на севере Псковского уезда (Исполатов 1911), а также в восточной части Псковской губернии – в Торопецком и Холмском уездах (Эсаулов 1878), отошедшим позднее к одноимённым районам, соответственно, Тверской (Калининской) и Новгородской областей (Пожидаев и др. 1988). Точно так же рябчик был довольно обычен и в самых северных – Невельском и Себежском – уездах Витебской губернии (Федюшин 1926), вошедших позднее в состав Псковской области. Так, в XVIII веке, во время Генерального межевания земель при Екатерине II, в описании Себежского уезда (Витебской губернии) рябчик назван «поимённо» и упоминается 19 раз* (Меньшов, Фетисов 2007). В целом по Северо-Западу России по промысловому значению рябчику принадлежало в те времена первое место среди тетеревиных птиц (Васильковский 1928). До революции его добывали в Псковской губернии не только для себя, но и для продажи на дичных рынках Петербурга (Кривенко и др. 1994). Однако вблизи самого Пскова места, пригодные для охоты на рябчика, исчезли уже в конце XIX века, и такие места остались не ближе 30-40 вёрст от города (Щетинский 1897). Более того, в начале XX века во всём Псковском уезде осталось не так уж много мест, где ещё водились рябчики, за исключением некоторых лесных дач и городской пустоши Андрохново-Горохново, смежной с Подборовской лесной дачей. В связи с этим городским охотникам очень редко удавалось убить рябчика, и эта дичь добывалась в основном крестьянами, которые стреляли рябчиков на «пищик» (Чистовский 1927 а,б).

В Псковской области рябчик по-прежнему остался обычным гнездящимся видом (Урядова, Щеблыкина 1993), хотя в 1970-1990-х годах наблюдалась сильная депрессия его численности (Кривенко и др. 1994; Обзор … 1996-1997).

Распространение рябчика по территории Псковской области, как и в других местах, зависит в основном от наличия подходящих для него лесных насаждений. Из них рябчик, пожалуй, более всего предпочитает участки смешанного леса, древостои которых образованы елью, сосной, бородавчатой и пушистой берёзами, серой и чёрной ольхами, осиной, в подлеске встречаются рябина, крушина, в травяном покрове – брусника, черника, кислица, ветреница дубравная, различные злаки и мхи. Таким образом, рябчик может встречаться здесь во многих типах леса, среди которых коренные еловые южно-таёжные и широколиственно-еловые леса, вторичные берёзовые (берёзово-осиновые, берёзовые дубравно-травяные, берёзовые и сосново-берёзовые), осиновые дубравно-травяные, околоводные ольховые, смешанные пойменные леса,

* Много рябчиков в те времена было, например, в окрестностях деревень Волоцня и Орловичи, ставших теперь одноимёнными урочищами в составе национального парка «Себежский».

а также опушки по границам с сосняками (с примесью берёз и чёрной ольхи) и даже верховые и отчасти переходные болота, особенно в период созревания ягод (Кривенко и др. 1994). Кроме того, своеобразными «коридорами» между соседними массивами леса в период расселения молодняка рябчику могут служить лесополосы вдоль шоссейных и железных дорог и подобные им ленточные древесные насаждения.

Для справки укажу, что еловые южно-таёжные леса сохранились в Гдовском, Плюсском, Стругокрасненском районах и на севере Псковского района, как правило, в бассейнах рек Плюссы, Великой и Шелони, но в целом их площадь довольно мала. Широколиственно-еловые леса получили наибольшее распространение в пределах Бежаницкой и Валдайской возвышенностей, Соротьской и Жижицкой низин и Великолукского поднятия, в том числе в бассейнах рек Великой, Западной Двины, Ловати, Полисти и Шелони, хотя площадь их также невелика. Широколиственно-еловые леса встречаются и в Великолукском, Дедовичском, Куньинском, Локнянском, Невельском, Опочецком, Печорском, Пустошкинском, Пушкиногорском и Усвятском районах и представлены в основном смешанными лесами с доминированием европейской ели с дубом, клёном, липой в верхнем ярусе, развитым подлеском из липы, лещины и бересклета и травяно-кустарничковым ярусом с примесью дубравных видов, таких как копытень, сныть, пролеска и др. Берёзовые и берёзово-осиновые леса с примесью ели и сосны, распространены в основном на Лужской возвышенности и Псковской низменности (в бассейнах рек Великой, Плюссы и Шелони и у Псковско-Чудского озера), т.е. в северных районах области, на месте коренных еловых южно-таёжных лесов – в Гдовском, Плюсском, Стругокрасненском, реже – в Псковском и Порховском районах. Берёзовые дубравно-травяные леса, во втором ярусе которых обычны ель, сосна и липа, не встречаются только на севере области, в подзоне южной тайги, а также незначительны по площади в Красногородском и Себежском районах. Наиболее крупные их массивы расположены на Бежаницкой, Валдайской и Судомской возвышенностях и в пределах Великолукского, Невельского и Усмынского поднятий. Берёзовые и сосново-берёзовые леса наиболее характерны для верхней части бассейна Великой и верховьев Западной Двины и Плюссы, в основном для Пустошкинского, Себежского и Стругокрасненского районов. Осиновые дубравно-травяные леса наиболее распространены на Бежаницкой возвышенности и в пределах Себежского поднятия (в бассейнах рек Великой, Западной Двины, Ловати и Шелони) – в Бежаницком, Великолукском, Дедовичском, Пустошкинском, Себежском и Усвятском районах. Ольховые леса хорошо выделяются в бассейнах рек Великой, Ловати и Шелони – в Дедовичском, Дновском, Локнянском, Порховском и Псковском районах. Смешанные приозёрные и пойменные леса в

целом невелики по площади, но хорошо выражены в Псковском Поозерье (Великолукском, Куньинском, Локнянском, Невельском, Пустошкинском, Себежском и Усвятском районах), а также в более северных районах (Бежаницком, Дедовичском, Порховском) и по берегам Псковско-Чудского озера (Природа … 1971, 1974).

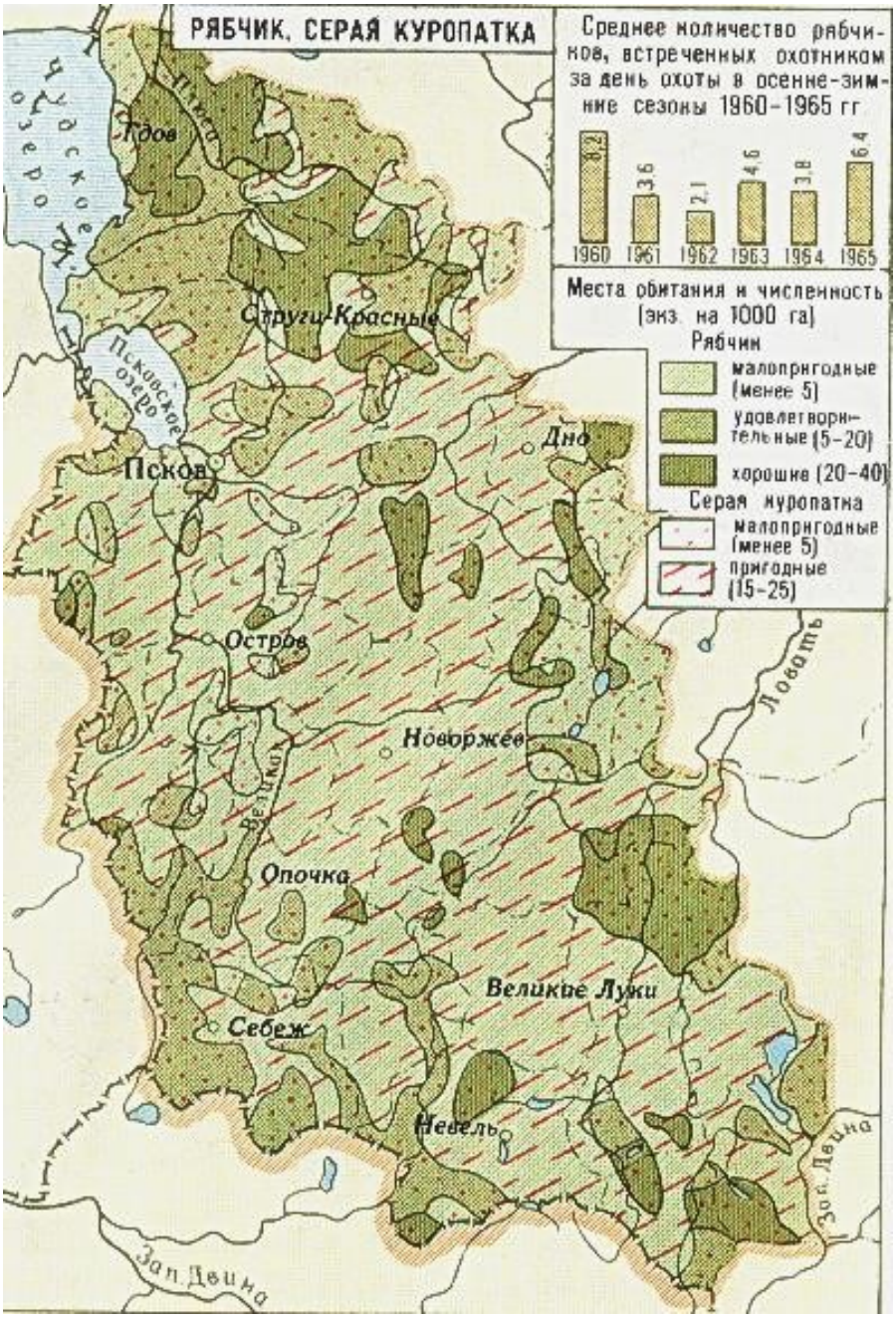

Рис. 2. Распределение разных типов угодий для рябчика *Tetrastes bonasia* по территории Псковской области (по: Русаков, Русакова 1969).

Учитывая разную степень кормности и защитных свойств разных типов леса сотрудники Западного отделения ВНИИОЗ О.С.Русаков и Н.Н.Русакова (1972, 1988) выделили для рябчика три типа мест обитания с различной плотностью их заселения видом в условиях Псковской области (рис. 2): 1) малопригодные угодья – 0.1-0.5 особи на 1 км^2;

2) удовлетворительные угодья – 0.5-2.0 ос./км^2; 3) хорошие угодья – 2.0-4.0 ос./км^2. Наряду с разной привлекательностью для рябчика тех или иных типов леса, его распространение зависит также от многих других факторов: в первую очередь, фактора беспокойства (особенно в период сбора грибов и ягод), а также от неумеренной охоты, сведения лесов и даже «местных», но регулярно повторяющихся неблагоприятных погодных условий (особенно затяжных холодных и сырых вёсен, зимних дождей и гололедиц).

О распространении и численности рябчика в разных административных районах Псковской области в послевоенный период можно судить по следующим данным.

В Бежаницком районе в 1960-1965 годах находились одни из лучших угодий для рябчика (Русаков, Русакова 1969). По данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, частота встреч рябчика в районе составила 2.15 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 – более 2.0 ос./10 км (Обзор … 1997).

На территории проектируемого государственного природного заповедника «Полистовский», по данным зимних маршрутных учётов 1993 года, встречаемость рябчика была 1.63 ос./10 км (при общей протяжённости маршрутов 416 км) (Проект… 1994). В июне 1998 года, однако, рябчика не удалось отметить в Полистовском заповеднике ни визуально, ни на слух, хотя в некоторых местах был найден его зимний помёт. По словам госинспектора заповедника Г.М.Андреева, численность рябчика здесь сократилась в 1990-х годах, по-видимому, в 5-7 раз, и охота на него в Бежаницком районе в последние годы почти прекратилась. В 1995-1997 годах за день охоты удавалось обнаружить не более 2-3 птиц, причём все они вели себя очень настороженно (Фетисов и др. 1998). В настоящее время рябчик обычен в Полистовском заповеднике в елово-лиственных лесах, где в гнездовой период его встречаемость составляет 3.6 ос./10 км. В мелколиственных лесах он встречается гораздо реже – 1.0 ос./10 км. Зимой встречаемость рябчика в лесных угодьях заповедника – 0.7 ос./10 км. Наибольшее число птиц отмечено в урочищах Болтухино, Оболонье, Читовая, меньшее – в урочищах Лебедево, Грива и на окраинах верховых болот близ урочищ Кондратово, Лисьи Ямы, Луги, Несвино (Шемякина, Яблоков 2013).

В Великолукском районе, по данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика составляла 2.70 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 – 1.5-2.0 (Обзор … 1997). Несмотря на повсеместный спад численности, в июне 1994 года рябчик встречался в районе примерно так же, как и в других местах Псковского Поозерья (Бардин, Ильинский, Фетисов 1995).

В Гдовском районе в 1960-1965 годах существовали очень хорошие угодья для рябчика (Русаков, Русакова 1969). В частности, этот вид

был обычен в лесах Гдовского лесхоза, где, по данным весенних учётов в 1975 году, в Приозёрном лесничестве обитало 160-170 особей, или 2.1 особи на 1 км^2 (Калинин 1978). По данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика по району в целом составила 1.27 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 средняя частота встреч изменялась от 0.5 до 1.0 ос./10 км (Обзор… 1997). В первой половине лета 1981 встречаемость рябчиков в ельниках и сосняках Гдовского района составляла около 1.0 ос./10 км (Кривенко и др. 1994). В заказнике федерального значения «Ремдовский» численность рябчика очень мало изменялась по годам и составляла около 100 особей (Васильев 2001а,б). 21 июля 2001 один выводок был поднят в заказнике в 23-м квартале Гослесфонда (к югу от шоссе Самолва–Ремда), другой – в урочище Клин около деревни Ветеря-3 (Фетисов, Ильинский, Пчелинцев 2001).

В Дедовичском районе, по данным зимних маршрутных учётов в 1986-1996 годах, средняя встречаемость рябчика была 0.5-1.0 ос./10 км маршрута (Обзор… 1997). 1-2 марта 1996 этот показатель для лесных угодий Городновского охотничьего хозяйства составил 1.4±0.2 ос./10 км, а в июне того же года рябчик был обычен на Судомской возвышенности и горе Судоме (Ильинский, Фетисов, неопубл. данные). В июне 1998 года рябчик был единственным представителем куриных вокруг озера Петровское (Десслер, Козырев 1998).

В Дновском районе, по данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, частота встреч рябчика по району в целом составляла 0.57 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 – 1.0-1.5 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Красногородском районе в 1960-1965 годах существовали очень хорошие угодья для рябчика (Русаков, Русакова 1969). По данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, частота встреч рябчика равнялась 3.76 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 – от 1.0 до 1.5 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Куньинском районе в 1960-1965 годах находились одни из лучших угодий для рябчика (Русаков, Русакова 1969). По данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика в этом районе составляла 4.10 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 годах этот показатель там составлял лишь 1.0-1.5 ос./10 км (Обзор… 1997). По экспертной оценке районного охотоведа В.И.Герингера и председателя РООиР В.И.Ушеровича, рябчик существенно уменьшил в эти годы свою численность в Куньинском районе, однако в некоторых местах, например, на северном берегу озера Велинское, он оставался ещё вполне обычным видом. Так, 12 июня 1998 выводок птенцов-«поршков» с самкой, а также взрослый самец были подняты в заболоченном лесу урочища Городец. Кроме того, 17

июня 1998 голос самки слышали в смешанном лесу в окрестностях деревни Гламазды. Свежее порхалище рябчика было найдено в спелом лесу на западном берегу озера Жакто (Фетисов, Головань, Леоке 1998).

В Локнянском районе, по данным зимних маршрутных учётов в 1986-1996 годах, встречаемость рябчика изменялась в пределах 1.0-1.5 ос./10 км (Обзор… 1997). В проектируемом заповеднике «Полистовский», по данным аналогичных учётов в 1993 году, встречаемость рябчика на территории Локнянского района равнялась 0.66 ос./10 км (при общей протяжённости маршрутов 564 км) (Проект… 1994). Зимой 2006 года рябчиков встречали в заповеднике чаще всего в елово-лиственных лесах: к юго-востоку от деревни Гоголево (3 января) – одну пару; в окрестностях деревни Оболонье (4 января) – одну особь. Наибольшее число птиц удалось отметить в елово-лиственном лесу между деревнями Гоголево, Усадьба и Язвы, где за день наблюдали по 4 (3 января) или 5 (5 февраля) птиц. Помимо того, сами рябчики и следы их пребывания встречались в январе-феврале на окраинах верховых болот к востоку от деревни Иванисово, в окрестностях Лугов, Кондратово и Лисьих Ям, в мелколиственном лесу в урочищах Лебедево и Грива (Шемякина 2006).

В Невельском районе в 1960-1965 годах были хорошие угодья для рябчика (Русаков, Русакова 1969). По данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика там составляла 3.08 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 – уже только 1.0-1.5 о./10 км (Обзор… 1997). Тем не менее, в некоторых местах Невельского района, например, на северном берегу озера Сенница, рябчик оставался вполне обычным. Выводки и порхалища отмечены в лесу между озёрами Черетвицы и Большой Иван и в окрестностях деревни Новая Изоча (Фетисов 1999а), а также вокруг озёр Большое Дебно, Неклочь, Чёрное и Усвеча и возле реки Язницы.

В Новоржевском районе, по данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика составляла 2.26 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 – 0.5-1.0 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Новосокольническом районе, по данным зимних маршрутных учётов в 1986-1996 годах, средняя встречаемость рябчика равнялась 0.5-1.0 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Опочецком районе в 1960-1965 годах находились одни из лучших угодий для рябчика (Русаков, Русакова 1969). Согласно зимних маршрутным учётам в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика там составляла 1.20 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 годах составила 0.5-1.0 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Островском районе, по данным зимних учётов в 1986-1996 годах, встречаемость рябчика была 0.5-1.0 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Палкинском районе, по данным зимних учётов в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика была 0.81 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 – 0.5-1.0 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Печорском районе рябчик – обычная лесная птица. Если его не преследуют, он не избегает близости человеческого жилья и гнездится даже в ближайших окрестностях города Печоры (Бардин 2000). По данным зимних маршрутных учётов в 1986-1996 годах, средняя встречаемость рябчика составила 0.5-1.0 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Плюсском районе в 1960-1965 годах находились одни из лучших угодий для рябчика (Русаков, Русакова 1969). По данным зимних учётов в I квартале 1973 года, его встречаемость составляла 1.80 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 годах – 1.0-1.5 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Порховском районе, по данным зимних маршрутных учётов в 1986-1996 годах, средняя встречаемость рябчика была 1.0-1.5 ос./10 км (Обзор… 1997). Несмотря на повсеместную в Псковской области депрессию численности, рябчик остаётся обычной птицей Порховского района (Яблоков, Васильев 2006).

В Псковском районе в 1960-1965 годах были хорошие угодья для рябчика (Русаков, Русакова 1969). По данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, его встречаемость была 1.55 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 – 0.5-1.0 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Борковском охотничьем хозяйстве на стационаре Западного отделения ВНИИОЗ при учёте рябчика в августе с легавыми собаками было установлено, что его плотность поселения там составляла (рис. 3): в 1967 году – 7.84 ос./км^2; в 1968 – 8.76; в 1969 – 7.60; в 1970 – 8.30; в 1971 – 7.47; в 1972 – 13.73; в 1973 – 2.81; в 1974 – 1.05; в 1975 – 0.57 (Русаков 1975б).

Резкий и глубокий спад численности рябчика в Борковском охотничьем хозяйстве и других местах Псковской области О.С.Русаков (1973а) объяснил длительным воздействием весьма неблагоприятных климатических факторов. Так, в 1972 году была ранняя, но затяжная весна с возвратом холодов, из-за чего ранние кладки рябчика погибли, а в поздних кладках наблюдали минимальное число яиц. Лето 1972 года выдалось сухим и с множеством лесных пожаров, а зима 1972/73 года оказалась малоснежной и с неустойчивой погодой – многими оттепелями и следующими за ними гололёдами. Всё это в совокупности привело к повсеместному снижению численности рябчика*, затянувшемуся на многие годы.

* По сведениям охотничьих респондентов, больше всего рябчиков осталось в 1973 году в Невельском районе (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1974).

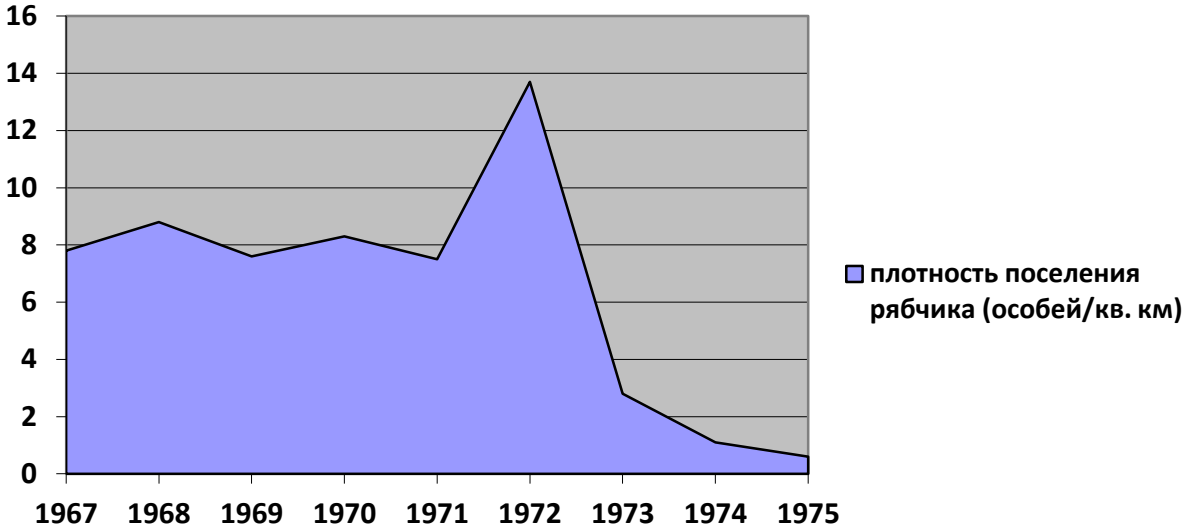

Рис. 3. Динамика плотности поселения рябчика на стационаре Западного отделения ВНИИОЗ в Борковском охотничьем хозяйстве. Псковский район Псковской области.

Тем не менее, в самом начале 1980-х годов в верховьях реки Псковы, включая Борковское охотничье хозяйство, рябчик был наиболее многочисленным среди куриных птиц: местами плотность его поселения достигала 3-5 пар на 1 км^2 (Ильинский, Пукинский, Фетисов 1985). В бассейне реки Толбы в мае-июне 2000-2001 годов встречаемость рябчика равнялась: в сфагновых сосняках (продолжительность маршрута 14.6 км) –2.0 ос./10 км; в сухих зеленомошных сосняках (16.2 км) – 1.0; в сосново-елово-лиственных лесах (19.2 км) –3.0; в лиственно-еловых лесах (16.5 км) – 2.0 ос./км (Шемякина 2001). В Корытовском лесопарке одиночные рябчики встречались в течение трёх зим (в 2000-2003 годах) (Семёнова 2003).

В Пустошкинском районе, по данным зимних учётов в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика была 2.86 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 – 1.5-2.0 ос./10 км (Обзор… 1997). Летом 1982 года плотность поселения рябчика в этом районе составила: в сосново-берёзовых лесах – 0.5 ос./км^2; в ельниках – 6.0; в мелколиственных лесах – 3.0 (Равкин, Тертицкий, Орехов 1987). В 2005-2006 годах рябчик был довольно обычен в лесах вдоль реки Алоли и вокруг озёр Белое, Кривое и Островитное по границе с Себежским районом.

В Пушкиногорском районе, по данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика составила 1.28 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), а в 1986-1996 годах – менее 0.5 ос./10 км (Обзор… 1997). Около Михайловского рябчика встречали в хвойном лесу, но это была большая редкость (Мальчевский 1981).

В Пыталовском районе, по данным зимних маршрутных учётов в I квартале 1973 года, встречаемость рябчика – 1.29 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), в 1986-1996 – не более 0.5 ос./10 км (Обзор … 1997).

В Себежском районе рябчик – обычный вид многих типов леса. В пригодных местообитаниях в 1960-х годах плотность его поселения составляла 1.5-2.5 особи на 1 км^2 (Русаков, Русакова 1969). По данным зимних учётов в I квартале 1973 года, частота встреч рябчика равнялась 2.27 особи на 10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973). Однако в 1980-х годах численность рябчика стала повсеместно снижаться. В 1982-1985 годах даже в оптимальных стациях – во вторичных мелколиственных лесах с примесью ели – в Лавровском сельсовете плотность этого вида не превышала 3-4 пары/км^2. Депрессия численности вида, охватившая всю Псковскую область (Обзор... 1996), наблюдалась здесь и в 1990-х годах. Лишь в середине 1990-х годов численность рябчика в Себежском районе стабилизировалась и начала понемногу восстанавливаться (Фетисов и др. 2002). Он стал встречаться во многих прежних местах своего обитания, включая окраины населённых пунктов, например Идрицы, Осыно и др.

В Себежском охотничьем заказнике численность рябчика в 1990-1992 годах оценивали примерно в 700-800 особей (Русаков, Русакова 1990, 1992). В период проектирования национального парка «Себежский», в мае-июле 1992 года, плотность поселения рябчика на его территории составляла: в сосновых борах (на площади учётной полосы 8.69 км^2) – 0.3 ос./км^2; сероольшаниках (1.3 км^2) – 3.1; лиственных лесах (1.52 км^2) – 5.9; смешанных лесах (2.28 км^2) – 7.5; смешанных молодняках (1.25 км^2) – 1.6 ос./км^2 (Фетисов, Ильинский, Головань 1998). В целом в национальном парке «Себежский», по данным зимних учётов (площадь лесных угодий 322.68 км^2; протяжённость 12 маршрутов 98 км), численность рябчика изменялась в течение 15 лет (1998-2012) в пределах 70-1160 особей* (рис. 4): в 1998 году там было учтено 390 птиц, в 1999 – 470, в 2000 – 390, в 2001 – 390, в 2002 – 870, в 2003 – 1160, в 2004 – 1050, в 2005 – 960, в 2006 – 610, в 2007 – 120, в 2008 – 530, в 2009 – 230, в 2010 – 70, в 2011 – 670, в 2012 году – 840 особей (Стукальцов, Фетисов 2003, 2006; Фетисов, Стукальцов 2000; неопубликованные данные ЗМУ из архива Парка). Как следует из представленных материалов, численность рябчика в разные годы даже на одной и той же особо охраняемой природной территории подвержена сильным колебаниям, достигающим 10 крат. Однако при благоприятных условиях численность весьма быстро восстанавливается до среднего уровня.

В Стругокрасненском районе в 1960-1965 годах существовали одни из лучших угодий для рябчика (Русаков, Русакова 1969). По данным зимних учётов в I квартале 1973 года, встречаемость этого вида равнялась 2.27 ос./10 км (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973), но уже в 1986-1996 годах этот показатель не превышал 0.5 ос./10 км (Обзор…

* Количество особей каждый год округлялось до десятка.

1997). Однако в самом начале XXI века рябчик был относительно обычен в смешанном лесу и на зарастающих вырубках Горского и Хредин-ского лесничеств (Бубличенко, Бубличенко 2001).

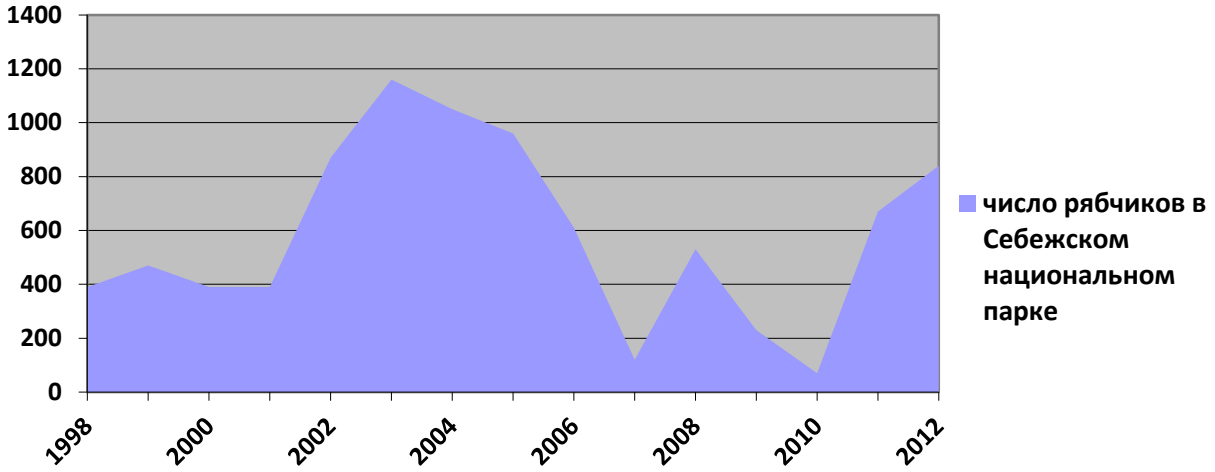

Рис. 4. Динамика численности рябчика в национальном парке «Себежский».

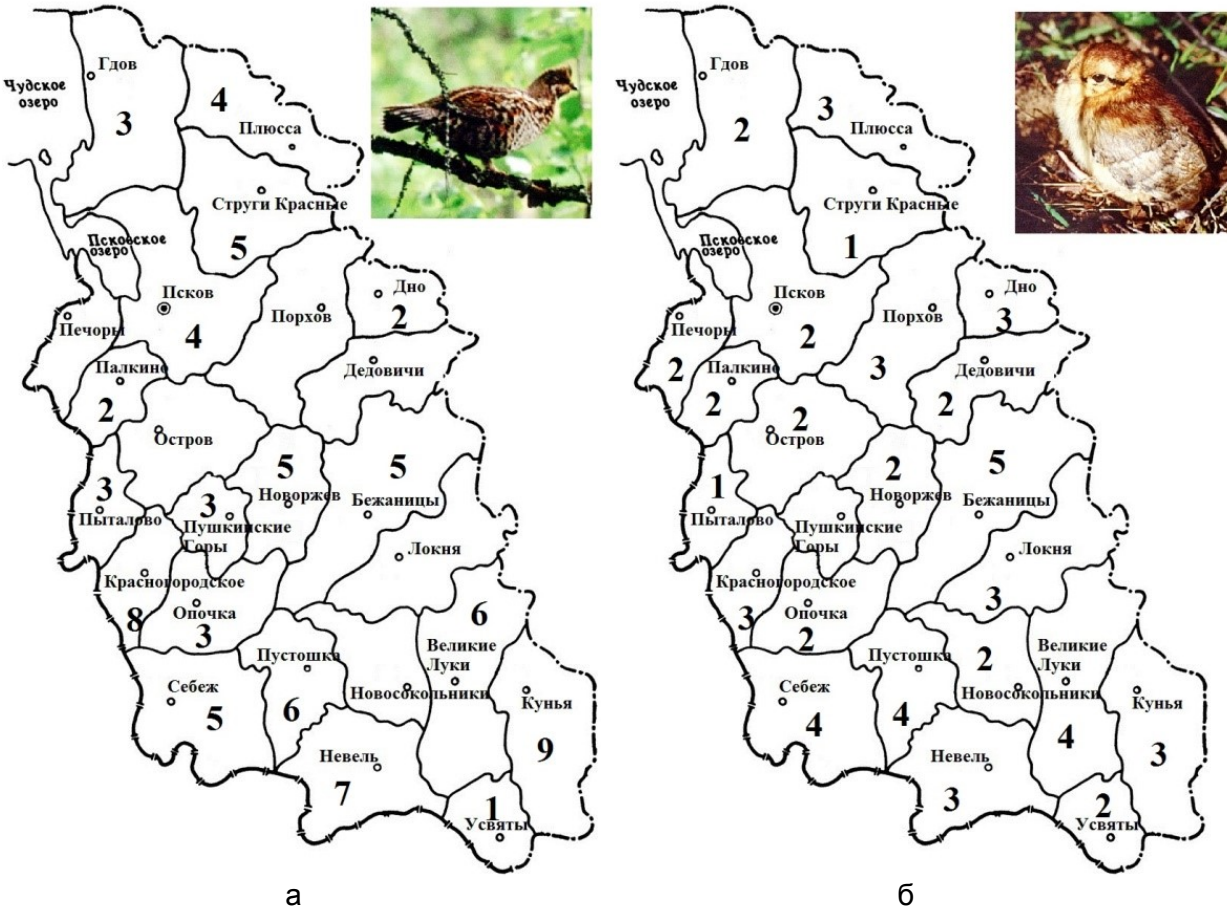

Рис. 5. Распределение рябчика по территории Псковской области.
а – по результатам учётов в 1973 году; б – по средним результатам учётов в 1990-1992 годах.
Встречаемость рябчика на маршрутах (ос./10 км) в разных районах (обозначены центры районов):
1 – 0.01-0.50; **2** – 0.51-1.00; **3** – 1.01-1.50; **4** – 1.51-2.00; **5** – 2.01-2.50;
6 – 2.51-3.00; **7** – 3.01-3.50; **8** – 3.51-4.00; **9** – 4.01-4.50.
В 1973 году учёты не проводились в Дедовичском, Локнянском, Новосокольническом, Островском, Печорском и Порховском районах; в 1990-1992 годах – в Пушкиногорском районе.
Фото на врезках – автора. Национальный парк «Себежский», май 2010-2011 годов.

В Усвятском районе рябчика не всегда удаётся зарегистрировать во время зимних маршрутных учётов или его численность там оказывается минимальной (Русаков 1973а; и др.). Так, в 1986-1996 годах средняя встречаемость рябчика была 0.5-1.0 ос./10 км (Обзор… 1997).

В Усвятском зоологическом заказнике рябчик также редок, несмотря на обилие в нём мест, пригодных для его обитания, хотя в июне 1999 года порхалища встречались в окрестностях деревень Берёзовка и Сафроново и на юго-восточном берегу озера Днико (Фетисов 1999б).

Характер распределения рябчика по территории Псковской области в 1973 и 1990-1992 годах, с учётом частоты встречаемости во время зимних маршрутных учётов в разных районах (Русаков 1973а; Русаков, Русакова 1973; Кривенко и др. 1994), представлен на рисунке 5.

Просматривая балльные оценки частоты встреч рябчиков в разных административных районах, можно сделать два очевидных вывода.

Во-первых, ни в 1973, ни в начале 1990-х годов в Псковской области не наблюдалось уменьшения плотности поселения рябчика с севера на юг, как это отмечено, например, М.С.Долбиком (1974) в Белоруссии. В Псковской области, наоборот, рябчик находит для себя равные или даже лучшие условия для жизни на юге, чем на севере области. Так, в 1973 году средняя оценка встречаемости рябчика на юге была 5.1 балла, тогда как на севере – только 3.7 балла (рис. 5); в начале 1990-х годов аналогичные показатели, соответственно, 2.8 и 2.5 балла.

Наряду с этим существует и противоположное мнение, высказанное Г.М.Тертицким, Е.С.Равкиным и Ю.А.Буйволовым (1986), считающими, что на юге Псковской области леса испытывают бóльшую антропогенную нагрузку, чем на севере. Доля лесных пастбищ (от общей площади лесов), по их данным, здесь почти в 8 раз больше, площадь сельскохозяйственных угодий почти в 2 раза больше, а площадь лесов вдвое меньше, чем на севере области. На юге области также выше рекреационная нагрузка на леса, что в целом приводит к нарушению нижних ярусов леса, ухудшению условий для гнездования птиц и снижению кормности их местообитаний. Такой же точки зрения придерживался и О.С.Русаков (1970а,б), по мнению которого северные, наиболее лесистые районы области, относящиеся к южнотаёжной подзоне, отличаются наиболее высокой плотностью поселения рябчика (20-40 особей на 10 км^2). На остальной же территории такая плотность населения вида наблюдается лишь на отдельных небольших участках, расположенных вдоль юго-западной и восточной границ области. В связи с этим на большей части области, в том числе в её центральной, почти безлесной части, рябчик встречается редко (менее 5 ос./10 км^2). Однако в действительности (а не согласно бонитировочной классификации лесов) рябчик встречается там гораздо чаще, а его численность далеко не всегда пропорциональна площади тех или иных выделяе-

мых типов лесных угодий, поскольку сплошных, особенно чистопородных лесов, распространённых на севере и юге, рябчик избегает и нередко довольно плотно населяет небольшие островные смешанные леса, которые характерны, например, для восточных и западных районов Псковской области.

Во-вторых, в начале 1990-х годов частота встреч рябчика не превышала оценку с баллом 5 (и то лишь в одном Бежаницком районе), тогда как до повсеместной в Псковской области депрессии численности такая оценка достигала балла 9 (в Куньинском районе).

О динамике численности рябчика на территории Псковской области можно судить по нескольким показателям, рассчитанным сотрудниками Западного отделения ВНИИОЗ по материалам, полученным ими от сети респондентов-охотников, обществ охотников, государственной охотничьей инспекции области, Псковского областного охотничьего управления (Управления охотничьего хозяйства). Менее точный из таких показателей – частота встреч рябчиков одним охотником за день охоты. Так, по данным охотников-респондентов, в осенне-зимний сезоны в разные годы этот показатель изменялся следующим образом: в 1960 – 8.2 ос./день; в 1961 – 3.6; в 1962 – 2.1; в 1963 – 4.6; в 1964 – 3.8; в 1965 – 5.4 (Проворов, Русаков 1964; Русаков 1962, 1966). В 1960-1971 годах за день охоты охотники встречали в среднем по 2.1-8.2 рябчика (Русаков 1971а,б, 1972а; Русаков, Русакова 1972б), в 1969-1973 – в среднем 5.2 (от 3.6 до 6.6) (Русаков 1972в, 1973а, 1975б,в).

Второй, более точный, показатель, представляет собой среднюю частоту встреч птиц на каждые 10 км учётного маршрута, заложенного в разных типах лесных угодий, и отражает плотность поселения рябчика в этих угодьях*. Он основан на результатах комплексных зимних маршрутных учётов численности боровой дичи в первом квартале каждого года†. В разные годы на территории Псковской области этот показатель равнялся для рябчика: в 1964 году – 4.0 ос./10 км; в 1965 – 2.9; в 1966 – 2.2 (Проворов, Русаков 1964; Русаков 1966); в 1967 – 2.6; в 1968 – 2.3 (Русаков 1968, 1970а,б; Стребко, Николаев 1969); в 1973 – 2.5 (Русаков 1973а,б; Русаков, Русакова 1973), в 1974 – 3.2; в 1975 – 1.8 (Русаков 1974, 1975б,в; Русаков, Русакова 1974); в 1976 – 1.5 (Русаков 1976); в 1977 – 1.5; в 1978 – 1.5; в 1979 – 1.3; в 1980 – 0.9; в 1981 – 0.8; в 1982 – 1.3; в 1983 – 0.9; в 1984 – 0.7; в 1985 – 0.9 (Русаков, Русакова 1986); в

* Площадь Псковской области 55.21 тыс. км^2, площадь её лесных угодий 21.17 тыс. км^2 (Русаков, Русакова 1972а).

† Контрольные учёты численности рябчика методом зимних маршрутных учётов, проведённые орнитологами Биологического НИИ Санкт-Петербургского университета в феврале-марте 1996 года в 7 охотхозяйствах 4 районов показали, что результаты учётов рябчика охотпользователями Псковской области сознательно не завышаются и полностью соответствуют действительности (Фетисов, Ильинский 1996). Однако точность самих методов учёта боровой дичи, включая рябчика, на больших территориях оставляет желать лучшего (Русаков 1975в).

1986 – 0.9; в 1987 – 1.2; в 1988 – 0.9; в 1989 – 1.0; в 1990 – 1.2; в 1991 – 1.2 ос./10 км (Кривенко и др. 1994). Динамика численности рябчика в Псковской области в 1964-1991 годах, полученная на основе данного показателя, представлена для наглядности на рисунке 6. В какой-то мере ей соответствует, по данным В.Г.Кривенко с соавторами (1994), аналогичная динамика частоты встреч рябчика на территории зоологических заказников Псковской области в 1981-1992 годах: в 1981 – 0.8; в 1982 – 1.0; в 1983 – 0.8; в 1984 – 0.6; в 1985 – 0.7; в 1986 – 0.8; в 1987 – 1.0; в 1988 – 0.9; в 1989 –0.9; в 1990 – 1.1; в 1991 – 1.0; в 1992 – 1.2 ос./10 км.)

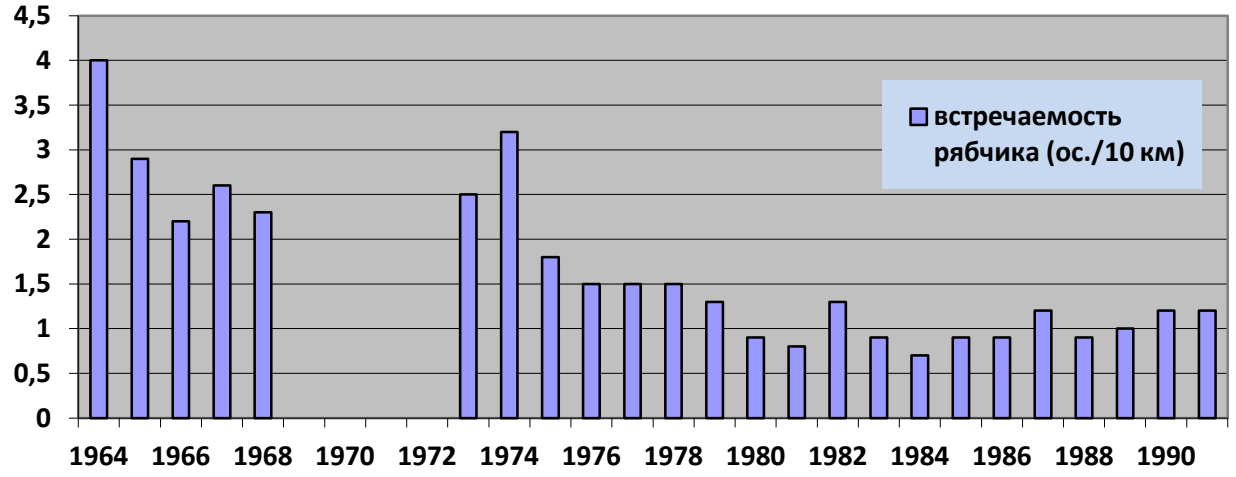

Рис. 6. Динамика численности рябчика в Псковской области по результатам зимних маршрутных учётов в 1964-1991 годах. (Сведения за 1969-1972 годы отсутствуют).

Встречаемость рябчика в феврале-марте 1996 года на границе южной тайги и таёжно-широколиственных лесов в Псковской области (в Дедовичском, Дновском, Порховском и Псковском районах) равнялась: в смешанных хвойно-лиственных лесах (длина маршрутов 43.0 км) – 2.3; в мелколиственных (берёзовых, осиновых и сероольховых) древостоях (90.5 км) – 0.9 ос./10 км (Фетисов, Ильинский, Пчелинцев 1999).

Третий и четвёртый показатели численности рябчика – среднюю плотность поселения рябчика на каждые 1000 га (10 км^2) и общую численность рябчика в Псковской области – получают путём пересчёта второго показателя, поэтому они менее точны, зато более наглядны.

Средняя плотность поселения рябчика в Псковской области равнялась в 1961-1964 годах 12.7-30.7 ос./10 км^2 (Русаков 1966, 1968, 1970а), но в некоторых районах, в частности на юго-западе области, она достигала в 1960-х годах даже 40 ос./10 км^2 (Русаков, Русакова 1969; Русаков 1970а,б). Однако на самом деле удаётся наблюдать и гораздо бóльшую плотность поселения рябчика, но только на небольших участках, соответствующих не столько бонитету «хорошие рябчиные угодья» на больших площадях, сколько т.н. локальным «рябчиным местам», где тра-

диционно из года в год водятся рябчики. Так, в одном из таких мест – на стационарном участке леса площадью 76 га в окрестностях посёлка Идрица в Себежском районе – в 1971 году мной был учтён 21 самец рябчика, или в пересчёте – один самец на каждые 3.6 га (Фетисов 1972, 1973). Такую высокую плотность поселения рябчика следует объяснять не только хорошими кормовыми и защитными свойствами данного участка, но и другими условиями. В частности, участок располагался в «зелёной зоне» Идрицы и охота на нём была запрещена. Климатические условия за три предшествовавшие учётам года были благоприятны для размножения рябчика. Более 4 лет участок находился практически в изолированном положении от основного лесного массива, поэтому расселение молодых рябчиков происходило с него, видимо, ограниченно. При пересчёте на 10 км^2 плотность поселения рябчика на участке соответствует 250 ос./10 км^2, но такой пересчёт неправомерен, потому что он связан с экстраполяцией данных на гораздо бóльшую площадь.

К концу лета плотность рябчика увеличивалась до 25-55 ос./10 км^2 (Русаков 1972а), то есть примерно вдвое по сравнению со средними показателями в период, предшествующий размножению. В течение же зимы (даже после закрытия охоты на рябчика) его численность, наоборот, существенно уменьшается. Например, число рябчиков на каждые 10 км^2 общей площади в Псковской области в 1964 году составляло: в феврале – 35.4, в марте – 23.5, в апреле – 23.9 (Русаков 1966).

Известно, что центральные части ареала рябчика, расположенные в южной тайге, наиболее оптимальны для этого вида: здесь его плотность может достигать весной 100-150 пар/10 км^2 (Потапов 1985). Во время учётов в центральных районах Псковской области в феврале-марте 1996 года рябчиков наиболее часто регистрировали в смешанных хвойно-лиственных лесах (в среднем 23 ос./10 км^2) и мелколиственных древостоях (9 ос./10 км^2). Однако и там численность рябчика на обследованной территории оказалась значительно ниже оптимальной, что, безусловно, заслуживает особого внимания (Фетисов, Ильинский, Пчелинцев 1998).

Ориентировочные предпромысловые среднегодовые запасы рябчика в Псковской области в 1960-1970-х годах равнялись 150-300 тыс. особей (Русаков 1962, 1966, 1970б, 1972а, 1973а, 1975а,б; Проворов, Русаков 1964; Русаков, Русакова 1972б), в 1991 году – 182.7 тыс. (Ботина и др. 1993); в 1996 – всего около 40 тыс. особей (Обзор… 1997).

По мнению В.Г.Кривенко с соавторами (1994), депрессия численности рябчика в Псковской области началась, видимо, ещё в конце 1950-х годов, хотя в 1960-е годы его численность оставалась по-прежнему сравнительно высокой. Заметное падение численности произошло в 1970-е и 1980-е годы (рис. 6). Некоторая стабилизация и даже времен-

ное повышение численности рябчика наблюдалось местами в конце 1990-х и в 2000-х годах, но в целом численность этого вида остаётся пока весьма неустойчивой.

В связи с этим, в качестве одной из рекомендаций по сохранению и быстрейшему восстановлению численности рябчика в Псковской области, следует ввести временный запрет на отстрел рябчика в ряде районов, где его встречаемость в период зимних маршрутных учётов не превышает 1 особи на 10 км маршрута.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить за помощь в полевых исследованиях своих петербургских друзей-орнитологов А.В.Бардина, В.И. Голованя и И.В.Ильинского, сотрудника Псковского полевого отряда Балтийского фонда природы И.Г.Милевского и руководителя полевого отряда Ботанического института РАН Г.Ю.Конечную.

Литература

Бардин А.В. 2000. *Инвентаризация орнитофауны Печорского района для составления видового кадастра птиц и формирования кадастра ООПТ Псковской области*. Отчёт по дог. № 510 между Комитетом природных ресурсов по Псковской области и Балтийским фондом природы. СПб.: 1-69 (рукопись).

Бардин А.В., Ильинский И.В., Фетисов С.А. 1995. Орнитологические наблюдения на юго-востоке Псковской области // *Рус. орнитол. журн*. **4**, 3/4: 111-116.

Бианки В.Л. 1922. Распространение птиц в северо-западной части Европейской России // *Ежегодн. Зоол. музея Акад. наук* **23**, 2: 97-128.

Бихнер Е.А. 1884. Птицы С.-Петербургской губернии: Материалы, литература и критика // *Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспыт*. **14**, 2: 359-624.

Ботина А.Н., Иванов В.Н., Овчинникова Л.Б., Замский М.Л., Черевичко В.И., Иванов С.Ю., Николаев Б.Ф., Горелов П.Г., Семенова С.Г., Иванова В.Д. 1993. Экологическая обстановка в Псковской области за 1991 год // *Краеведение и охрана природы*. Псков: 5-13.

Бубличенко Ю.Н., Бубличенко А.Г. 2001. *Фауна наземных позвоночных территории «Псковский модельный лес»*. Отчёт по гранту ЗИН РАН. СПб.: 1-21 (рукопись).

Васильев В.А. 2001а. Ремдовский заказник // *Охотничьи животные России (Биология, охрана, ресурсоведение, рациональное использование)*. М., **5**: 33-35.

Васильев В.А. (сост.) 2001б. *Летопись природы государственного республиканского зоологического заказника «Ремдовский» за 2000 год*. Псков: 1-13 (рукопись).

Васильковский П.Е. 1928. Фауна Ленинградской области // *Природа и население Ленинградской области. Справочная книга по краеведению*. М.; Л.: 83-119.

Дерюгин К.М. 1897. Орнитологические исследования в Псковской губернии // *Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспыт*. Отд. зоол. и физиол. **27**, 3: 17-38.

Десслер О., Козырев Н. 1998. Характеристика видового состава позвоночных в районе расположения базы «Горняк», деревни Петрово и озера Петровского // *Материалы исследований областной детской комплексной краеведческой экспедиции «Истоки» – 98*. Псков: 37-41.

Долбик М.С. 1974. *Ландшафтная структура орнитофауны Белоруссии*. Минск: 1-312.

Зарудный Н.А. (1910) 2003. Птицы Псковской губернии // *Рус. орнитол. журн*. **12** (235): 975-983.

Иванов А.И. 1976. *Каталог птиц СССР*. Л.: 1-276.

Ильинский И.В., Пукинский Ю.Б., Фетисов С.А. (1985) 2014. Материалы к летней орнитофауне бассейна реки Псковы // *Рус. орнитол. журн*. **23** (964): 319-343.

Исполатов Е.И. 1911. Вдовщина // *Естествознание и география* **9**: 23-30.

Калинин М.В. 1978. *Экология охотничьих зверей и птиц сосновых вырубок*. Автореф. дис. … канд. биол. наук. Л.: 1-23.

Конечная Г.Ю., Мусатов В.Ю., Сагитов Р.А., Фетисов С.А. 1999. Основные результаты работы Псковского полевого отряда Балтийского фонда природы в 1998 году // *Вопросы экологического воспитания и образования в системе: детское дошкольное учреждение – школа – техникум – ВУЗ*. Великие Луки: 122-129.

Конечная Г.Ю., Сагитов Р.А., Фетисов С.А. 1998. Основные результаты работы Псковского полевого отряда Балтийского фонда природы в 1997 году // *Проблемы и перспективы сбалансированного развития в бассейне Псковско-Чудского озера. Материалы международ. общ.-научн. конф*. Ч. 1. Тезисы и статьи. Псков: 44-46.

Конечная Г.Ю., Фетисов С.А. 1999а. *Материалы для государственного кадастра и реорганизации системы ООПТ Псковской области: Невельский и Усвятский районы*. Отчёт по дог. № 509 между Госкомэкологии Псковской области и Балтийским фондом природы СПбОЕ от 21 апреля 1999 г. СПб.: 1-89 (рукопись).

Конечная Г.Ю., Фетисов С.А. 1999б. *Роль федерального зоологического заказника «Ремдовский» в сохранении биологического разнообразия и редких видов бассейна Балтийского моря (на примере сосудистых растений и птиц)*. Отчёт по дог. № 1 между Управл. по охране, контролю и регулир. использования охотн. животных Псковской обл. и Балтийским фондом природы СПбОЕ от 27 мая 1999 г. СПб.: 1-69 (рукопись).

Косенко С.М. 2013. Рябчик *Tetrastes bonasia* // *Полный определитель птиц европейской части России*. М., **1**: 227-229.

Кривенко В.Г., Равкин Е.С., Виноградов В.Г., Авданин В.О., Мирутенко М.В., Божанский А.Т., Русаков О.С. 1994. *Итоговый отчёт по научно-практической разработке «Кадастр животного мира Псковской области» (Обобщенные результаты за 1992-1993 гг.)*. Отчёт по хоз. дог. между Межотрасл. научно-инженер. центром по охране окр. среды и рац. использов. природн. ресурсов и Госкомэкологии Псков. обл. М.; Псков: 1-210 (рукопись).

Мальчевский А.С. (1981) 2007. Птицы Пушкинского заповедника // *Рус. орнитол. журн*. **16** (378): 1247-1269.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л.: **1**: 1-480.

Мальчевский А.С., Фетисов С.А., Ильинский И.В. 1984. *Фауна высших позвоночных Себежского края*. Отчёт по хоз. договору за 1984 г. между Ленинградским гос. ун-том и Себежским музеем природы (филиалом Псковского музея-заповедника). Себеж: 1-172 (рукопись).

Меньшов Н.П., Фетисов С.А. 2007. Материалы к инвентаризации и долгосрочному мониторингу орнитофауны Себежского Поозерья и национального парка «Себежский» // *Северо-Запад России: Эколого-хозяйственные проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества. Материалы регионал. общ.-научн. конф*. Ч. 1. Статьи и тезисы. Псков: 178-181.

Михеев А.В. 1952. Семейство Тетеревиные Tetraonidae // *Птицы Советского Союза*. М., **4**: 10-133.

Никифоров М.Е., Козулин А.В., Гричик В.В., Тишечкин А.К. 1997. *Птицы Беларуси на рубеже XXI века: Статус, численность, распространение*. Минск: 1-188.

Обзор состояния окружающей природной среды Псковской области за 1995 год. 1996. Псков: 1-96.

Обзор состояния окружающей природной среды Псковской области за 1996 год. 1997. Псков: 1-120.

Пожидаев И.С., Герасименок Т.Е., Федоров С.М., Карпов К.И. 1988. *Административно-территориальное деление Псковской области (1917-1988). Справочник*. Л.: 1-640.

Порчинский И.А. 1872. О фауне позвоночных Гдовского уезда, Петербургской губернии // *Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспыт*. **3**: 371-402.

Потапов Р.Л. 1985. *Отряд Курообразные (Galliformes). Семейство Тетеревиные (Tetraonidae)*. Л.: 1-638 (Фауна СССР. Нов. сер. 133. Птицы. Т. 3. Вып. 1. Ч. 2.).

Потапов Р.Л. 1987. Отряд Курообразные Galliformes // *Птицы СССР. Курообразные. Журавлеобразные*. Л.: 7-260.

Природа Псковской области. 1974. Псков: 1-172.

Природа районов Псковской области. 1971. Л.: 1-406.

Проворов Н.В., Русаков О.С. 1964. *Материалы по характеристике численности видов охотничье-промысловой фауны Псковской области*. Отчёт Зап. отд. ВНИИЖП за 1964 г. Л.: 1-32 (рукопись).

Проект организации государственного природного заповедника Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации «Полистовский». 1994. М.: 1-196 (рукопись).

Равкин Е.С., Тертицкий Г.М., Орехов Д.И. 1987. Население птиц подтаёжных лесов и роль антропогенного воздействия в его формировании // *Влияние хозяйственного освоения лесных территорий Европейского Севера на население животных*. М.: 141-154.

Русаков О.С. 1962. *Численность основных видов охотничье-промысловой фауны Псковской области по результатам учёта на пробных полосах*. Отчёт Зап. отд. ВНИИЖП за 1962 г. Л.: 1-45 (рукопись).

Русаков О.С. 1966. *Предварительные данные по численности и добыче пернатой дичи в северо-западных областях Европейской части СССР*. Отчёт Зап. отд. ВНИИЖП по теме 4, раздел 1 за 1966 г. Л.: 1-62 (рукопись).

Русаков О.С. 1968. *Краткие сведения по учёту численности боровой дичи на стационарах Западного отделения ВНИИЖП*. Отчёт Зап. отд. ВНИИЖП. Л.: 1-5 (рукопись).

Русаков О.С. 1970а. К характеристике численности и распределению запасов тетеревиных птиц Псковской области // *Материалы 7-й Прибалт. орнитол. конф*. Рига, **3**: 68-70.

Русаков О.С. 1970б. *Современное состояние и практическое использование запасов боровой дичи в северо-западных областях Европейской части СССР*. Отчёт Зап. отд. ВНИИЖП. Л.: 1-120 (рукопись).

Русаков О.С. 1971а. *Особенности экологии, ресурсы и хозяйственное использование боровой дичи на Северо-Западе РСФСР*. Отчёт Зап. отд. ВНИИЖП. Л.: 1-32 (рукопись).

Русаков О.С. 1971б. *Краткий обзор современного состояния численности, добычи и заготовки боровой дичи в северо-западных областях Европейской части СССР*. Отчёт Зап. отд. ВНИИЖП. Л.: 1-12 (рукопись).

Русаков О.С. 1972а. Ресурсы, динамика и добыча боровой дичи (тетеревиных) в Карельской АССР, Ленинградской и Псковской областях // *Тез. докл. 8-й Прибалт. орнитол. конф*. Таллин: 102-103.

Русаков О.С. 1972б. *О некоторых аспектах численности боровой дичи*. Отчёт Зап. отд. ВНИИЖП. Л.: 1-7 (рукопись).

Русаков О.С. 1972в. *Особенности экологии, ресурсы и хозяйственное использование боровой дичи на Северо-Западе РСФСР*. Отчёт Зап. отд. ВНИИЖП. Л.: 1-31 (рукопись).

Русаков О.С. 1972г. *Результаты зимнего маршрутного учёта охотничьих животных в Псковской области в I квартале 1972 г*. Отчёт Западного отделения ВНИИЖП. Л.: 1-11 (рукопись).

Русаков О.С. 1973а. *Особенности экологии, ресурсы и хозяйственное использование боровой дичи на Северо-Западе РСФСР*. Отчёт Зап. отд. ВНИИОЗ по теме 4, раздел 2а за 1973 г. Л.: 1-61 (рукопись).

Русаков О.С. 1973б. Сравнительная оценка результатов учёта боровой дичи различными методами применительно к большим территориям // *Учёты охотничьих животных на больших территориях. Материалы к 3-му Всесоюз. совещ.* Пущино-на-Оке: 93-94.

Русаков О.С. 1974. *Материалы по численности, добыче и экологии боровой дичи и рекомендации по рациональному использованию её запасов в охотничьих хозяйствах Северо-Запада*. Отчёт Зап. отд. ВНИИОЗ. Л.: 1-14 (рукопись).

Русаков О.С. 1975а. Охотничья фауна Северо-Запада. Боровая дичь // *Наша охота* **5**: 172-177.

Русаков О.С. 1975б. *Особенности экологии, ресурсы и хозяйственное использование боровой дичи на Северо-Западе РСФСР*. Заключит. отчёт Зап. отд. ВНИИОЗ. Л.: 1-71 (рукопись).

Русаков О.С. 1975в. О сравнительной оценке различных методов учёта боровой дичи на больших территориях // *Охота, пушнина и дичь* **49/50**: 19-26.

Русаков О.С. 1976. Современные ресурсы копытных животных и боровой дичи и их хозяйственное использование на Северо-Западе СССР // *Биологические проблемы Севера. 7-й симп. Зоол.: Тези. докл.* Петрозаводск: 281-283.

Русаков О.С., Русакова Н.Н. 1969. Охотничье-промысловые звери и птицы // *Атлас Псковской области*. М.: 20.

Русаков О.С., Русакова Н.Н. 1972а. Краткий обзор экономики охотничьего хозяйства северо-западных областей европейской части СССР // *Тр. ВНИИОЗ* **24**: 24-41.

Русаков О.С., Русакова Н.Н. 1972б. Современные ресурсы и добыча боровой дичи в северо-западных областях РСФСР // *Материалы к науч. конф., посвящённой 50-летию института. Тез. докл.* Ч. II. Вопросы экологии. Киров: 126-128.

Русаков О.С., Русакова Н.Н. 1973. *Результаты зимнего маршрутного учёта охотничьих животных в Псковской области в I квартале 1973 г.* Отчёт Зап. отд. ВНИИОЗ. Л.: 1-9 (рукопись).

Русаков О.С., Русакова Н.Н. 1974. *Результаты зимнего маршрутного учёта охотничьих животных в Псковской области в I квартале 1974 г.* Отчёт Зап. отд. ВНИИОЗ. Л.: 1-9 (рукопись).

Русаков О.С., Русакова Н.Н. 1986. Опыт проведения и результаты зимних маршрутных учётов охотничьих животных в Псковской области // *Всесоюз. совещ. по проблеме кадастра и учёта животного мира. Тез. докл.* М., **1**: 190-191.

Русаков О.С., Русакова Н.Н. 1990. *Результаты зимнего маршрутного учёта охотничьих животных в заказниках Псковской области (I квартал 1990 г.)*. Псков; Л.: 1-20 (рукопись).

Русаков О.С., Русакова Н.Н. 1992. *Результаты зимнего маршрутного учёта охотничьих животных в заказниках Псковской области (I квартал 1992 г.)*. Псков; СПб.: 1-16 (рукопись).

Русакова Н.Н. 1972. О картировании запасов охотничьих животных // *Тр. ВНИИОЗ* **24**: 266-278.

Русакова Н.Н. 1988. Охотничье-промысловые ресурсы // *Природная среда и охрана природы Псковской области*. М.: 2.

Сагитов Р.А., Фетисов С.А. 1998. Балтийский фонд природы и его вклад в изучение и сохранение биологического разнообразия в Псковской области в 1996 году // *Проблемы сохранения биоразнообразия Псковской области*. СПб.: 16-21.

Семёнова Е.Г. 2003. Орнитофауна пригородного Корытовского лесопарка // *Северо-Западная Россия и Белоруссия: вопросы экологической, исторической и общественной географии. Материалы общ.-науч. конф. с международ. участием. Статьи и тезисы*. Псков: 39-42.

Стребко В.Н., Николаев И.Н. 1969. Зимний маршрутный учёт охотничьих животных в Псковской области в 1968 г. // *Учёты охотничьих животных на больших территориях*. Пущино на Оке: 42-44.

Стукальцов А.И., Фетисов С.А. 2003. Численность охотничьих видов животных в национальном парке «Себежский» по данным зимних маршрутных учётов в 2003 году // *Северо-Западная Россия и Белоруссия: Вопросы экологической, исторической и общественной географии*. Псков: 86-92.

Стукальцов А.И., Фетисов С.А. 2006. Численность охотничьих видов животных в национальном парке «Себежский» по данным зимних маршрутных учётов в 2006 году // *Национальный парк «Себежский»: Научно-исследовательская работа, охрана, экологическое просвещение и развитие экологического туризма. Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию нац. парка «Себежский»*. Псков: 155-160.

Тауриньш Э. 1983. Рябчик *Tetrastes bonasia* (L.) // *Птицы Латвии: Территориальное размещение и численность*. Рига: 69.

Те Д.Е., Сиденко М.В., Галактионов А.С., Волков С.М. 2006. *Птицы национального парка «Смоленское Поозерье»*. Смоленск: 1-176.

Тертицкий Г.М., Равкин Е.С., Буйволов Ю.А. 1986. Влияние антропогенной деятельности на обилие и видовое разнообразие птиц юга Псковской области // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., **2**: 278-279.

Урядова Л.П., Щеблыкина Л.С. 1993. Наземные позвоночные животные Псковской области // *Краеведение и охрана природы*. Псков: 137-144.

Федюшин А.В. 1926. Материалы к изучению птиц Белоруссии: О птицах Витебщины // *Бюл. МОИП*. Нов. сер. Отд. биол. **35**, 1/2: 112-168.

Фетисов С.А. 1972. *К экологии рябчика юго-запада Псковской области*. Курсовая работа. Л.: 1-47 (рукопись).

Фетисов С.А. 1973. *Материалы к экологии рябчика на юго-западе Псковской области*. Дипломная работа. Л.: 1-65 (рукопись).

Фетисов С.А. 1999а. Заметки по летней орнитофауне Невельского района Псковской области // *Рус. орнитол. журн*. **8** (78): 3-19.

Фетисов С.А. 1999б. Материалы к летней орнитофауне Усвятского зоологического заказника (Псковская область) // *Природа Псковского края* **7**: 19-25.

Фетисов С.А., Головань В.И., Ильинский И.В., Конечная Г.Ю., Хааре А.О. 1997. *Материалы для кадастра флоры сосудистых растений и фауны наземных позвоночных Псковской области (I - 1997: Красногородский, Опочецкий, Псковский, Пустошкинский и Себежский административные районы)*. Отчёт по хоз. договору № 504 от 15 мая 1997 г. между Гос. комитетом по охр. окр. среды Псковской обл. и Балтийским фондом природы СПбОЕ. Псков; СПб.: 1-95 (рукопись).

Фетисов С.А., Головань В.И., Леоке Д.Ю. 1998. Орнитологические наблюдения в Куньинском районе Псковской области // *Рус. орнитол. журн*. **7** (53): 3-20.

Фетисов С.А., Головань В.И., Остроумов И.Н., Леоке Д.Ю. 1998. Дополнительные материалы к орнитофауне Полистовского заповедника (Псковская область) // *Рус. орнитол. журн*. **7** (45): 3-17.

Фетисов С.А., Ильинский И.В. 1993а. *Пояснительная записка по разделу «Фауна» ТЭО Себежского национального парка*. СПб.: 1-137 (рукопись).

Фетисов С.А., Ильинский И.В. 1993б. *Пояснительная записка по разделу «Охота, рыболовство» ТЭО Себежского ГПНП*. СПб.: 1-43 (рукопись).

Фетисов С.А., Ильинский И.В. 1996. К вопросу о достоверности первичных материалов зимних маршрутных учётов численности охотничье-промысловых видов животных // *Северо-Запад России: проблемы экологии и устойчивого развития. Материалы науч.-практ. конф. Тезисы и статьи*. Псков, **1**: 64-66.

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И. 1998. Биотопическое размещение и плотность населения птиц в проектируемом национальном парке «Себежский» // *Проблемы сохранения биоразнообразия Псковской области*. СПб.: 92-100.

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2000. Видовой состав и статус птиц Себежского Поозерья и национального парка «Себежский» // *Социальные и экологические проблемы Балтийского региона. Материалы общ.-науч. конф. Докл. и тезисы*. Псков: 146-155.

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2002. *Птицы Себежского Поозерья и национального парка «Себежский»*. СПб., **1**: 1-152 (Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспыт.; Сер. 6. Т. 3).

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Конечная Г.Ю. 1997. *Материалы для кадастра растительного и животного мира Судомской возвышенности (с характеристиками памятников природы Дедовичского района Псковской области)*. Отчёт по хоз. договору № 503/1 от 8 августа 1996 г. между Псков. обл. комитетом по охр. природы и Биологическим НИИ СПбГУ. Псков; СПб.: 1-148 (рукопись).

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Пчелинцев В.Г. 1998. Материалы к зимней орнитофауне Псковской области на границе южной тайги и хвойно-широколиственной зоны // *Проблемы сохранения биоразнообразия Псковской области*. СПб.: 100-110.

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Пчелинцев В.Г. 1999. Результаты зимних маршрутных учётов численности птиц и млекопитающих на границе южной тайги и таёжно-широколиственной зоны в Псковской области // *Проблемы и перспективы сбалансированного развития в бассейне Псковско-Чудского озера. Материалы международ. общ.-науч. конф*. Ч. II. Статьи. Псков: 192-201.

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Пчелинцев В.Г. 2001. Заметки о птицах федерального заказника «Ремдовский» (Псковская область) // *Рус. орнитол. журн*. **10** (164): 911-918.

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Пчелинцев В.Г., Чистяков Д.В. 1996а. *Материалы к зимней орнитофауне Псковской области на границе южной тайги и таёжно-широколиственных лесов (Дедовичский, Дновский, Порховский и Псковский административные районы)*. Отчёт по хоз. договору № 502а за 1996 г. между Гос. комитетом по охране окр. среды Псковской обл. и БиНИИ СПбГУ. Псков; СПб.: 1-25 (рукопись).

Фетисов С.А., Ильинский И.В., Пчелинцев В.Г., Чистяков Д.В. 1996б. *Достоверность первичных материалов зимних маршрутных учётов численности охотничье-промысловых видов животных в Псковской области*. Отчёт по хоз. договору № 502б за 1996 г. между Гос. комитетом по охране окр. среды Псковской обл. и БиНИИ СПбГУ. Псков; СПб.: 1-25 (рукопись).

Фетисов С.А., Конечная Г.Ю., Головань В.И., Остроумов И.Н., Сергиенко В.Г., Леоке Д.Ю. 1998. *Новые материалы к флоре и фауне Полистовского заповедника (по результатам наблюдений в 1998 г.)*. Отчёт о научно-исследов. работе по дог. о творч. сотрудничестве между Балтийским фондом природы СПбОЕ и заповедником «Полистовский». СПб.: 1-29 (рукопись).

Фетисов С.А., Конечная Г.Ю., Головань В.И., Хааре А.О., Леоке Д.Ю. 1998. *Материалы для реорганизации системы особо охраняемых природных территорий в Куньинском районе Псковской области*. Отчёт по дог. № 505 между Госкомэкологии Псковской обл. и Балтийским фондом природы СПбОЕ от 27 января 1998 г. СПб.: 1-104 (рукопись).

Фетисов С.А., Конечная Г.Ю., Мусатов В.Ю. 2000. Псковский полевой отряд Балтийского фонда природы: результаты работы в 1996-1999 годах // *Проблемы природопользования и формы активного экологического воспитания и образования. Материалы Псков. обл. эколог. конф*. Великие Луки: 86-94.

Фетисов С.А., Конечная Г.Ю., Мусатов В.Ю., Щеблыкина Л.С. 2001. *Флора, фауна и среда обитания растений и животных рамсарского водно-болотного угодья «Псковско-Чудская приозерная низменность»*. СПб; Псков: 1-123 (рукопись).

Фетисов С.А., Остроумов И.Н., Головань В.И., Леоке Д.Ю. 1998б. *Материалы к орнитофауне Полистовского заповедника (по результатам наблюдений в 1998 году)*. Отчёт по дог. между администрацией Полистовского заповедника и Балтийским фондом природы СПбОЕ. СПб.: 1-25 (рукопись).

Фетисов С.А., Стукальцов А.И. 2000. Численность куриных птиц Galliformes в национальном парке «Себежский» // *Природа Псковского края* **11**: 13-16.

Чистовский С.М. 1927а. Птицы Псковской губернии // *Познай свой край. Сб. Псков. общ-ва краеведения*. Псков, **3**: 82-101.

Чистовский С.М. 1927б. *Птицы Псковской губернии. («Каталог птиц Псковского краеведческого естественно-научного музея» и «Промысловая или охотничья дичь Псковской губернии»)*. Псков: 1-22.

Шемякина О.А. 2001. Структура населения птиц основных типов местообитаний под Псковом // *Рус. орнитол. журн.* **10** (155): 694-705.
Шемякина О.А. 2006. О зимней орнитофауне Полистовского заповедника // *Рус. орнитол. журн.* **15** (307): 57-71.
Шемякина О.А., Яблоков М.С. 2013. Птицы заповедника «Полистовский» и сопредельных территорий // *Вестн. Псков. ун-та.* Сер. Естеств. и физ.-мат. науки 2: 81-104.
Щетинский А.А. 1897. Очерк охоты в окрестностях Пскова // *Вестн. Псков. губерн. земства* 3: 13-21.
Эсаулов Г. 1878. Список позвоночных животных, водящихся и встречающихся в Торопецком и Холмском уездах Псковской губернии // *Тр. С-Петерб. общ-ва естествоиспыт.* **9**: 223-240.
Яблоков М.С., Васильев С.Н. 2006. Птицы среднего течения реки Шелони // *Рус. орнитол. журн.* **15** (315): 327-337.
Hammerich L.L., Jakobson R. (ed.) 1967. *Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607.* Copenhagen. II: 1-488.
Viht E. 1994. Hazel Grouse *Bonasa bonasia* (L.) // *Birds of Estonia: Status, Distribution and Numbers*. Tallinn: 87.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1155**: 2126*

О смешанной паре белой *Parus cyanus* и желтогрудой *P. flavipectus* лазоревок в предгорьях Киргизского хребта

Т.Хардер

Издание второе. Первая публикация в 2006[*]

В течение двух лет – 2003 и 2004 – в селе Прохладное (30 км южнее Бишкека) в предгорьях Киргизского хребта мы наблюдали пару синиц, выводившую птенцов в синичнике на ели. Высота расположения синичника 4 м от земли, ориентация летка – на юго-запад. В паре одна птица относилась к виду желтогрудая лазоревка *Parus flavipectus*, другая – к виду белая лазоревка *Parus cyanus*. Оба года птицы выводили по два выводка. Даже когда буря сбила синичник с выводком, синицы после его ремонта вернулись и успешно докормили птенцов. Однако когда синичник был перенесён на другое дерево, синицы его не заняли.

[*] Хардер Т. 2006. О смешанной паре лазоревок (Parus cyanus & Parus flavipectus) // *Selevinia:* 223.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1155**: 2127-2132*

Некоторые интересные встречи птиц в окрестностях Магадана в зимне-весенний период 2014/15 года

И.В.Дорогой

Игорь Викторович Дорогой. Институт биологических проблем Севера ДВО РАН.
E-mail: dor_1955@ibpn.ru

Поступила в редакцию 23 июня 2015

С конца осени 2014 года до середины весны 2015 года в окрестностях Магадана отмечен ряд интересных видов птиц, ранее лишь изредка наблюдавшихся здесь в это время года или не отмеченных вовсе.

Bucephala clangula. Гоголь зимует, как правило, у незамерзающих берегов Курильских островов, Сахалина и Японии (Андреев 2005), а также на внутренних водоёмах Камчатки и на Командорских островах (Артюхин и др. 2000). Стая из 9 особей (6 самцов и 3 самки) встречена на морской полынье размером 300×150 м напротив устья реки Ола 28 февраля 2015 (рис. 1).

Рис. 1. Группа гоголей *Bucephala clangula* в устье Олы. 28 февраля 2015. Фото автора.

Mergus merganser. Большой крохаль – обычный гнездящийся вид на юге Магаданской области, отмеченный в зимнее время в окрестностях устья реки Сиглан на побережье полуострова Кони-Пьягин (Андреев 2005), а также на внутренних водоёмах Камчатки к северу до реки Апука (Артюхин и др. 2000). Одиночные птицы и группы от 3-5

до 14-15 особей регулярно встречались на незамерзающих участках русла в приустьевой части реки Угликанка – левого притока Олы в её нижнем течении (59°37' с.ш., 151°18' в.д.) в период с 7 марта по 12 апреля 2015. По сообщению работников рыборазводного завода и жителей села Гадля, большие крохали проводят в данном районе всю зиму. Кроме того, группа из 3 самцов наблюдалась 24 марта 2015 на морской полынье в районе мыса Нюкля, примерно в 100 м от берега.

Falco tinnunculus. Редкий вид, занесённый в Красную книгу Магаданской области (2008). В последние годы пустельга чаще отмечалась на гнездовье в антропогенном ландшафте верхней Колымы (Дорогой 2013а), тогда как на североохотоморском побережье она редка во время сезонных миграций (Кищинский 1968; Кондратьев и др. 1992; Кречмар 2014). Одиночная самка, сидевшая на скале в окрестностях ныне ликвидированного рыболовецкого посёлка Нюкля (59°34' с.ш., 151°15' в.д.), наблюдалась 27 ноября 2014. Не исключено, что причиной необычной задержки птицы на пути к местам зимовки послужило обилие пищух *Ochotona hyperborea*, следы которых в изобилии встречались на заснеженных участках в нижних частях склонов.

Рис. 2. Горный дупель *Gallinago solitaria* в низовьях Олы. 23 февраля 2015. Фото автора.

Gallinago solitaria. Горный дупель – редкий малоизученный вид, занесённый в Красную книгу Магаданской области (2008). К немногочисленным случаям встреч горного дупеля на юге Магаданской области (Кищинский 1968; Andreev, Kondratiev 2001; Андреев 2005; Дорогой 2012а) добавим следующие наблюдения. Одиночный кулик несколько

раз наблюдался в низовьях Олы и Угликанки (59°35' с.ш., 151°17' в.д.) 23 и 24 февраля 2015. (рис. 2). Птица вела себя очень осторожно, редко подпуская наблюдателя ближе, чем на 20-30 м. Потревоженный горный дупель перелетал к соседней полынье и прятался под ледовым козырьком или в нагромождениях «плавника». В таких случаях птица пару раз взлетала буквально «из-под ног».

Larus hyperboreus. Немногочисленный вид, неполовозрелые и не размножающиеся особи которого проводят на южном побережье Магаданской области всё лето (Andreev, Kondratiev 2001; Андреев 2005; Дорогой 2008). В конце осени и зимой бургомистр встречается здесь редко и далеко не ежегодно (Дорогой 2013б, 2014). Одиночные молодые птицы наблюдались 21 и 27 ноября 2014 на побережье недалеко от устьев рек Дукча и Ола.

Nyctea scandiaca. Белая сова изредка появляется зимой в Магадане, на полуострове Кони и в заливе Бабушкина (Андреев 2005). Одиночная птица наблюдалась нами на южной окраине Магадана 20 ноября 2014.

Strix uralensis. По-видимому, длиннохвостая неясыть в небольшом числе гнездится на юге Магаданской области (Андреев 2005; Дорогой 2007, 2011). Одиночная сова встречена в тополево-чозениевом лесу в низовьях Олы на окраине одноименного посёлка 12 февраля 2015. (рис. 3).

Рис. 3. Длиннохвостая неясыть *Strix uralensis* в низовьях Олы. 12 февраля 2015. Фото автора.

Lanius excubitor. Редкий вид, встречающийся на юге Магаданской области, как правило, во время сезонных перемещений. Изредка

зимует в бассейне реки Челомджа (Андреев 2005). Одиночный серый сорокопут, пролетавший над пойменным тополево-чозениевым лесом, наблюдался в нижнем течении Олы недалеко от села Гадля 21 февраля 2015. Другой одиночный сорокопут встречен 5 апреля 2015 в долинном лиственничнике в среднем течении правого притока Олы – реки Танон.

Cinclus pallasii. Бурая оляпка – немногочисленный обитатель горных водотоков на юге Магаданской области (Лейто и др. 1991; Andreev, Kondratiev 2001; Андреев 2005; Дорогой 2010). Одиночные птицы (рис. 4) и пары бурых оляпок неоднократно встречались в нижнем течении рек Ола, Угликанка и в приустьевых участках безымянных притоков реки Танон в период с 12 февраля по 4 апреля 2015. Всего в данном районе мы наблюдали не менее 15-18 оляпок, державшихся на незамерзающих участках речных проток.

Рис. 4. Бурая оляпка *Cinclus pallasii* в низовьях Олы. 23 февраля 2015. Фото автора.

Plectrophenax nivalis. На северном побережье Охотского моря пуночка в небольшом числе иногда зимует на безлесных приморских равнинах (Андреев 2005). Одиночные птицы и небольшие, до 10-12 особей, стайки держались в районе посёлка Нюкля в течение всей зимы – с 9 декабря по начало апреля, а 14 марта 2015 здесь же встречена стая, насчитывавшая не менее 80 особей. Начиная с конца первой декады и до середины апреля стаи пуночек (от нескольких особей до 2 сотен птиц) регулярно наблюдались в окрестностях Магадана и посёлков Ола и Клепка.

Leucosticte arctoa. Сибирский горный вьюрок – немногочисленный обитатель высокогорных каменистых тундр на юге Магаданской области (Кищинский 1968; Andreev, Kondratiev 2001; Андреев 2005). Группа из 3 птиц (рис. 5) в смешанной стайке с 3-4 чечётками *Acanthis flammea* встречена 11 января 2015 на скальных выступах восточнее устья реки Дукча в бухте Гертнера (59°33' с.ш., 150°56' в.д.). Эти птицы перелетали с места на место и выклёвывали семена из сухих соцветий полыни *Artemisia leucophylla* и лапчатки *Potentilla rupiflora*. Это – первая встреча сибирских горных вьюрков на юге Магаданской области в зимнее время.

Рис. 5. Сибирский горный вьюрок *Leucosticte arctoa* на берегу бухты Гертнера. 11 января 2015. Фото автора.

Рис. 6. Стайка снегирей *Pyrrhula pyrrhula* в окрестностях посёлка Ола. 12 марта 2015. Фото автора.

Pyrrhula pyrrhula. Немногочисленный пролётный и, возможно, гнездящийся вид на юге Магаданской области (Андреев 2005; Дорогой 2010, 2012б). Одиночные птицы и пары несколько раз наблюдались в устье Угликанки с 12 февраля по 23 марта 2015. Группа из 5 снегирей (1 самца и 4 самок) встречена на поле в окрестностях посёлка Ола 12 марта 2015. Птицы перелетали с места на место, периодически выклёвывая семена овса на неубранных участках (рис. 6). Кроме того, группу из 3 самцов мы видели у подножья Марчеканской сопки в окрестностях Магадана 11 марта 2015.

Литература

Андреев А.В. 2005. Птицы бассейна Тауйской губы и прилежащих участков северного Охотоморья // *Биологическое разнообразие Тауйской губы Охотского моря*. Владивосток: 579-627.

Артюхин Ю.Б., Герасимов Ю.Н., Лобков Е.Г. 2000. Птицы // *Каталог позвоночных Камчатки и сопредельных территорий*. Петропавловск-Камчатский: 73-99.

Васьковский А.П. 1966. Список и распространение птиц Крайнего Северо-Востока СССР // *Краеведческие записки*. Магадан, **6**: 84-124.

Дорогой И.В. 2007. Интересные орнитологические находки на юге Магаданской области // *Вестн. СВНЦ ДВО РАН* 3: 93-97.

Дорогой И.В. 2008. Водоплавающие и другие околоводные птицы окрестностей Ольской лагуны // *Вестн. СВНЦ ДВО РАН* 4: 45-62.

Дорогой И.В. 2010. Авиафаунистические находки на юге Магаданской области // *Вестн. СВНЦ ДВО РАН* 4: 37-44.

Дорогой И.В. 2011. К распространению некоторых птиц в Магаданской области // *Рус. орнитол. журн.* **20** (687): 1811-1815.

Дорогой И.В. 2012а. Интересные находки куликов на юге Магаданской области // *Дальневост. орнитол. журн.* **3**: 23-27.

Дорогой И.В. 2012б. Встречи редких птиц на юге Магаданской области // *Дальневост. орнитол. журн.* **3**, с. 28-32.

Дорогой И.В. 2013а. Гнездование некоторых видов птиц в антропогенном ландшафте на северо-востоке Азии // *Рус. орнитол. журн.* **22** (845): 334-342.

Дорогой И.В. 2013б. О питании некоторых чаек амфиподой *Hyperia galba* – симбионтом сцифоидных медуз // *Биология моря* **39**, 1: 65-69.

Дорогой И.В. 2014. Новогодний визит бургомистров *Larus hyperboreus* в окрестности Магадана // *Рус. орнитол. журн.* **23** (959): 203-207.

Кищинский А.А. 1968. *Птицы Колымского нагорья*. М.: 1-188.

Кондратьев А.Я., Зубакин В.А., Голубова Е.Ю., Кондратьева Л.Ф., Харитонов С.П., Китайский А.С. 1992. Фауна наземных позвоночных животных острова Талан // *Прибрежные экосистемы северного Охотоморья. Остров Талан*. Магадан: 72-108.

Красная книга Магаданской области. 2008. Магадан: 1-430.

Лейто А., Мянд Р., Оя Т., Паль Я., Тальви Т. 1991. *Исследование экосистем полуострова Кони. Магаданский заповедник*. Таллин: 1-224.

Andreev A.V., Kondratiev A.V. 2001. Birds of the Koni-Pyagyn and Malkachan Areas // *Биоразнообразие и экологический статус северного побережья Охотского моря*. Владивосток: 87-122.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1155**: 2133-2134*

Слёток сороки *Pica pica* с аномалией клюва и коричневой окраской оперения в Чуйской долине

И.Р.Романовская, Н.Н.Березовиков

Ирина Рашитовна Романовская. Бульвар Эркиндик, 20, школа-гимназия № 6, г. Бишкек, Кыргызстан
Николай Николаевич Березовиков. Отдел орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 9 июня 2015

Во время экскурсии в холмистой местности у села Чон-Арык, в 7 км южнее города Бишкека, 2 июня 2015 в густых зарослях боярышника и шиповника был замечен уже хорошо перелетающий с куста на куст слёток сороки *Pica pica* необычной окраски, которого с трудом удалось сфотографировать (см. рисунок). Как выяснилось, чёрный цвет в оперении его головы, шеи и верхней части спины был замещён коричневым. На пояснице и в нижней части спины было много белых перьев. Белыми были и концы крыльев. Ранее сорок с аномальной коричнево-белой окраской оперения нам уже доводилось встречать на озере Маркаколь в восточной части Казахстана (Березовиков 2006; Березовиков Алексеев 2012). Аномальным у этого сорочонка было и строение клюва: конец надклювья не менее чем на 1 см был короче подклювья. Последнее при этом было более обычного отросшим и слегка загнутым вверх.

Слёток сороки *Pica pica* с аномалиями клюва и окраски оперения. Чуйская долина у села Чон-Арык. 2 июня 2015. Фото И.Р.Романовской.

Среди взрослых сорок иногда встречаются особи с различными дефектами клюва, возникающими в результате попадания в капканы или

по другим причинам. Судя по возрасту этого слётка, аномалия его клюва была с рождения и её возникновение, вероятнее всего, обусловлено наследственными факторами.

Литература

Березовиков Н.Н. 2006. Встреча необычного альбиноса сороки *Pica pica* на Южном Алтае // *Рус. орнитол. журн.* **15** (331): 902-903.

Березовиков Н.Н., Алексеев В.В. 2012. Сорока Pica pica – альбинос на озере Маркаколь // *Рус. орнитол. журн.* **21** (817): 2895-2896.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1155**: 2134-2135*

Развитие птенцов скопы *Pandion haliaetus*

Б.И.Изгалиев

Бисемба Ислямович Изгалиев, Ул. Мира, д. 3, кв. 4, г. Данков, Липецкая область, 399850, Россия

Поступила в редакцию 14 апреля 2015

Стационарные наблюдения за скопой проводились в 1979-1981 годах на озере Маркаколь (Южный Алтай). Материал собран у 4 гнездовых пар скопы *Pandion haliaetus* по методике, описанной нами ранее (Изгалиев 1985).

Птенцы у скопы в условиях горного озера появляются в июне. Вылупление происходит в определённой последовательности. В 1979 году у пары № 1 первый птенец появился 18 июня, второй – 19 июня, третий – 23-24 июня, на 5-6-й день после первого. В 1980 году у этой же пары первый птенец вылупился 13 июня, второй – 14 июня. В 1981 году у поздно загнездившейся пары № 5 первый птенец вылупился 26 июня, второй – 27 июня, третий – 9 июля, на 12-й день после появления в гнезде первого птенца. Интервал между появлением первого и второго птенца составляет 1-2 дня, а появление третьего, как правило, задерживается от 5 до 12 дней.

Птенец скопы при выходе из яйца покрыт жёлтым пухом и не может передвигаться. В первые дни при кормлении он лишь вытягивает шею и открывает рот; глаза закрыты. Первое движение птенца по лотку наблюдается на 5-6-й день, и с этого времени птенцы испражняются за пределы лотка. Для этого они, пятясь задом, подходят к внутренней стенке лотка и «выстреливают» струю помёта за его пределы.

На 13-14-й день птенцы выходят из лотка на гнездовую платформу, глаза у них полностью открыты. Смена первого птенцового наряда завершается у птенцов в возрасте 12-14-сут. Примерно в месячном воз-

расте птенцов кисточки первостепенных маховых у них развёрнуты на 1/3, рулевые – на 1/2.

Птенцы скопы в течение 34-38 дней не могут регулировать температуру тела. Их терморегуляция в этот период осуществляется в основном самкой. До 10-дневного возраста в терморегуляции преобладает согревание над охлаждением. Самка обогревает птенцов в течение ночи, в утренние и вечерние часы, а также прикрывает их во время выпадения осадков. В дневные часы, когда птенцам жарко, они издают своеобразный звук: *«пить..., пить»* и самка обеспечивает им тень. Для этого она с полураскрытыми крыльями становится со стороны солнечных лучей, и птенцы ложатся под тень с открытыми клювами. Продолжительность обогрева или охлаждения птенцов зависит от характера погоды (Изгалиев 1985). Самка прекращает регулировать температуру тела птенцов при достижении ими 34-38-дневного возраста.

Птенцы скопы начинают тренировать крылья на 35-38-й день от момента вылупления. Первое время – это всего несколько неуверенных движений крыльями, затем число маховых движений постепенно доводится до нескольких десятков. Ежедневная тренировка крыльев продолжается почти в течение трёх недель. Когда молодые скопы могут взлетать с места на высоту 1.0-1.5 м от поверхности гнезда, они начинают летать. От начала тренировки крыльев до подъёма на крыло проходит 18-20 дней. В 1979 году две молодые скопы из гнезда № 1 вылетели в один день, 12 августа. При первом вылете птенца самка со своеобразным криком сопровождает его, предохраняя его от возможного падения. В 1980 году у этой же пары первый птенец вылетел 7 августа, второй – 8 августа, третий – 17 августа. У гнездовой пары № 5 (позднее гнездование) первый птенец поднялся на крыло 18 августа, второй – 19 августа. Первый и второй птенцы скопы начинают летать одновременно или с различием в 1-2 дня.

Итак, у скопы период от вылупления птенцов до становления их на крыло составляет 55-58 дней. Слётки первые 5-6 дней после подъёма на крыло кормятся на гнезде принесённой родителями рыбой. Молодая скопа начинает охотиться примерно на 10-12-й день после подъёма на крыло.

Отлетают скопы с мест гнездования сравнительно рано, в сентябре. В 1979 году последние скопы на Маркаколе отмечены 12 сентября, в 1980 и 1981 годах – 15-16 сентября.

Литература

Изгалиев Б.И. (1985) 2015. Экология скопы *Pandion haliaetus* на озере Маркаколь // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1151): 1997-2002.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1155**: 2136-2137*

Встречи линных розовых скворцов *Pastor roseus* в Таласской долине на юге Казахстана

А.М.Сема, С.В.Шимов

*Второе издание. Первая публикация в 1978**

Сведения о линьке розовых скворцов *Pastor roseus* на территории Советского Союза очень скудны. Принято считать, что у них смена маховых и рулевых начинается после отлёта за пределы СССР (Спангенберг 1954). Однако в работе Л.М.Шульпина (1953) есть упоминание о находке одного линного взрослого самца на Западном Тянь-Шане 25 августа 1935.

Осенний пролёт розовых скворцов на юге Казахстана в основном заканчивается во второй половине августа. Позже здесь остаётся ещё некоторое количество птиц. Держатся они на виноградниках, в садах и тростниковых зарослях у водоёмов вместе с обыкновенными скворцами *Sturnus vulgaris*. Кормятся обособленными группами по 3-5 особей. С 1 сентября по 4 октября 1979 в средней части Таласской долины нами осмотрено 25 скворцов, из которых 23 линяли – 3 старых и 20 молодых. Все птицы были сильно истощены.

Старые розовые скворцы (три самца) добыты 1, 12 и 19 сентября. У 2 из них 1-4-е первостепенные маховые были новыми, 5-е и 6-е дорастали, у третьей новым было лишь 1-е первостепенное маховое, 2-е и 3-е дорастали (счёт маховых от кистевого сустава). Большие верхние кроющие линяли соответственно первостепенным маховым. У одной птицы 2-е и 6-е рулевые перья были новыми, у другой 1-е дорастало, 2-е – кисточка, у третьей все были старыми. Покровные перья в основном старые, небольшое количество трубочек и кисточек найдено на спине, крестце, груди и плечах.

Молодые птицы добыты во второй половине сентября. У всех 1-е первостепенное маховое находилось в различной стадии линьки. У 7 птиц оно было новым. Эти птицы имели также вылинявшее 2-е перо, а 3-е и 4-е маховые дорастали, у 5 птиц 1-е перо дорастало, у 4 птиц было кисточкой и ещё у 4 – пеньком.

Характерно, что самцы линяли интенсивнее самок. Так, из 11 самцов 7 имели новое 1-степенное маховое, тогда как только у 1 из 9 самок это перо было свежим. Большие кроющие крыла линяли соответственно первостепенным маховым. Линька рулевых и покровных перьев не

* А.М.Сема, С.В.Шимов. 1978. Встречи линных розовых скворцов // *Биология птиц в Казахстане*. Алма-Ата: 153.

отмечена. У старых и молодых розовых скворцов линька проходила симметрично.

В этом же 1979 году 14 октября на Чокпакском перевале в лесополосе добыли молодого розового скворца, у которого 2 первых первостепенных пера были новыми. В 1974 году в Таласской долине в сентябре было добыто 4 молодых розовых скворца и линьки у них не обнаружено. Вероятно, это совпадает с тем, что у розового скворца сроки размножения в различные годы не совпадают и колеблются в пределах месяца (Гаврилов 1974). Соответственно сдвигаются и сроки линьки птиц. Поэтому встречи линных розовых скворцов в сентябре редки.

Таким образом, линька розовых скворцов начинается сменой первостепенных маховых и идёт в дистальном направлении. Рулевые и покровные перья линяют после замены первых четырёх первостепенных маховых. Описанный ход смены оперения не имеет принципиальных отличий от линьки обыкновенного скворца. Сроки встреч линных розовых скворцов свидетельствуют о том, что их линька начинается в основном во второй половине сентября. В это время на территории Советского Союза пролёт розовых скворцов заканчивается, а оставшиеся особи малочисленны, ведут скрытный образ жизни и поэтому редко попадают в поле зрения орнитологов.

Литература

Гаврилов Э.И. 1974. Семейство Скворцовые – Sturnidae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **4**: 15-40.

Спагенберг Е.П. 1954. Семейство скворцовые // *Птицы Советского Союза*. М., **5**: 108-142.

Шульпин Л.М. 1953. Материалы по фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* **2**: 53-79.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1155**: 2137-2138*

Залёт воронков *Delichon urbica* на остров Медный, Командорские острова

Е.Г.Мамаев

*Второе издание. Первая публикация в 2002**

В районе мыса Юго-Восточного на острове Медный 28 и 29 августа 2001 держалась группа воронков *Delichon urbica*, возможно, ещё не распавшийся выводок. 28 августа было отмечено 4 особи, в том числе

* Мамаев Е.Г. 2002. Залёт воронков *Delichon urbica* на о. Медный, Командорские острова // *Биология и охрана птиц Камчатки* **4**: 118.

две молодых. Все время наблюдения за птицами (12 ч 45 мин –14 ч 00 мин) ласточки летали над склоном южной экспозиции на высоте примерно 150 м над уровнем моря, в 10-20 м от земли. Они в основном парили в потоках западного ветра, но несколько раз и взрослые, и молодые птицы присаживались на оголившийся после схода оползня участок склона, где были сфотографированы. Просидев на земле несколько минут, они вновь взлетали. 29 августа в 12 ч на этом же месте держалась группа из 6 воронков. Поведение ласточек было таким же, как в предыдущий день.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1155**: 2138-2143*

Особенности зимовки кряквы *Anas platyrhynchos* в Иркутске в 1990-е годы

И.В.Фефелов

*Второе издание. Первая публикация в 2001**

Обыкновенная кряква *Anas platyrhynchos* – один из немногих видов уток, хорошо адаптирующихся к антропогенным факторам и проявляющих склонность к урбанизации. Во второй половине XX века тенденция к росту зимней численности кряковых уток в трансформированных ландшафтах стала заметной в разных регионах Северной Европы. В азиатской части России она также имеет место, хотя развивается более медленно и с задержкой. В европейской части процессы роста гнездовых и зимующих группировок кряквы, как правило, были тесно привязаны друг к другу по времени и связаны общим составом членов. Это было хорошо проанализировано В.В.Корбутом (1994а). Ситуация в городе Иркутске более сложна, так как здесь, вне зависимости от деятельности человека, издавна существует мощный пролётный путь уток вдоль поздно замерзающей реки Ангары.

Хотя незамерзающая зона Ангары ниже Иркутской ГЭС протяжённостью до 70 км возникла сразу после постройки ГЭС в 1950-х годах, часть полыньи, находящаяся в пределах Иркутска, в 1970-1980-х слабо использовалась зимующими утками. Наиболее заметный рост количества крякв, зимующих на Ангаре, произошёл в 1992-1994 годах. Если с 1984 по 1991 год здесь наблюдали не более 20 крякв (Мельников 2000), а зимой 1991/92 – 42, то зимой 1994/95 года – уже 280. В последующие

* Фефелов И.В. 2001. Особенности зимовки кряквы в Иркутске в 1990-х гг. // *Казарка* **7**: 284-289.

годы число крякв на конец зимовки составляет 140-200, а зимой 1997/98 года учтено даже 630 (Фефелов 1997, 1998). Достоверного роста после 1995 года не наблюдается. В начале зимовки, например, в ноябре-декабре 1999 и 2000 годов, число учитываемых крякв может быть выше (360-420), но к весне снижается. Определить, связано ли это с гибелью части птиц или с активизацией их перемещений в конце зимы в радиусе нескольких десятков километров, пока не удалось (в январе и начале февраля наблюдения затруднены из-за сильного парения реки), но, по косвенным данным, более вероятно второе. Некоторое число крякв зимой постоянно или временно держится на других водоёмах города и ближнего пригорода, в том числе техногенных (река Кая, не замерзающая из-за значительных сбросов сточных вод, очистные сооружения города Шелехова, золоотвал Ново-Иркутской ТЭЦ).

Интересно, что в 1990-е годы здесь же регистрируется рост числа зимующих гоголей *Bucephala clangula*. Так, в 1984-1992 годах на всех незамерзающих участках верховий Ангары ниже Иркутской ГЭС зимовало 2500- 3200 гоголей (Мельников 2000), а в 1998-2000 годах лишь в черте Иркутска мы насчитывали 3400-4200 особей. В январе-феврале 2001 года из-за длительных морозов полынья ниже ГЭС значительно уменьшилась, и все зимующие на ней утки сконцентрировались в границах города; в это время было учтено 7500 гоголей и 81 большой крохаль *Mergus merganser*. Однако причины роста численности явно связаны не с процессом урбанизации этих видов, а с формированием благоприятных условий в районе зимовки или регионе в целом. Заметим, что в 1974-1990 годах сходные явления наблюдались на озёрах в низовьях реки Катунь на Алтае у зимующих кряквы, гоголя, большого крохаля, лебедя-кликуна *Cygnus cygnus* (Кучин, Кучина 1991). Авторы связывают это с организацией заказника, но нельзя исключать, что макроклиматические изменения также оказывали прямое или косвенное влияние.

Особенно любопытен резкий скачок численности крякв в середине 1990-х годов, который пока трудно объяснить. Ранее нами были высказаны предположения, что он может быть связан с усиленным развитием гидрофауны на мелководьях, например, вследствие загрязнения воды или с образованием местной гнездовой группировки птиц (Фефелов 1997). Напротив, Ю.И.Мельников (2000) полагает, что эти факторы незначимы, и считает наиболее существенными для формирования зимовки уток погодные условия в период замерзания верховьев Ангары (ноябрь).

Роль «тепловой ловушки» на Байкале, Иркутском водохранилище и в верхнем течении Ангары, где отлетающие птицы могут задерживаться намного дольше, чем на прилегающей территории, не подлежит сомнению. Теоретически больше уток должно оставаться на зи-

мовку в сезоны, когда после тёплой осени наступает резкий переход к морозам или когда начало зимы бывает сравнительно тёплым. Однако анализ метеорологических данных за 1949-1998 годы не показал зависимости между численностью зимующих крякв и температурными условиями Иркутска. Средние температуры за холодный период (октябрь-март) до 1970-х годов имели одинаковый уровень, затем был хорошо заметен тренд их роста примерно на 1° за 10 лет, но с 1990 года они вновь стабилизировались на несколько более высоком уровне, чем 20 лет назад. Никакой связи динамики численности зимующих уток с температурами конца миграции и периода формирования зимовки (октябрь-декабрь) также не прослеживается.

В то же время интересна хронология изменений среднегодовой температуры в Иркутске. До 1970 года она была сравнительно стабильной (обычно между минус1.5° и 0°С), затем отмечен слабый тренд на повышение с колебаниями от -0.5° до +1°С. После 1988 года температура стала значительно выше, чем в предыдущее десятилетие (между +0.5° и +2°С), прежде всего за счёт более тёплого лета в 1990-1994 годах. С 1996-1997 годов её рост, возможно, прекратился.

Гипотетически это могло оказать решающее воздействие на региональную численность крякв и гоголей или на ёмкость их кормовых стаций в Иркутске (а следовательно, на зимовочную численность) посредством косвенных биогеоценотических связей, но доказать или опровергнуть данное предположение вряд ли возможно.

Тем не менее, расширение кормовой базы кряквы как опосредованный эффект повышения концентрации биогенов или органики в Ангаре нельзя исключать из списка потенциальных причин. Указывалось, что именно в первой половине 1990-х годов существенно увеличилось бактериальное загрязнение вод Иркутского водохранилища в районе водозабора Иркутска (Кожова 1995), возможно, не без участия высоких летних температур. Следовательно, не могла не измениться ситуация ниже по течению, по крайней мере, на расстоянии 10-15 км от ГЭС, где и зимует большинство крякв.

Роль местной группировки уток в формировании зимовки дискуссионна, но данные последних лет показывают, что она действительно маловероятна. В черте Иркутска существует только одно место, где в значительном числе скапливаются гнездящиеся водоплавающие птицы, – устьевая часть реки Иркут; в других местах города могут гнездиться лишь единичные пары. Несмотря на антропогенную трансформацию поймы низовий Иркута (в частности, прокладку железных и шоссейных дорог), этот озёрно-болотно-луговой участок сохраняет значение для птиц, хотя и находится под угрозой. В 1950-1980-х годах кряква здесь не гнездилась вообще (Липин и др. 1984, 1988) или гнездилась очень редко. Даже в первой половине 1990-х годов здесь обита-

ло не более 5-6 пар (Мельников 2000). Но с 1997 года оказалось заметным, что на озёрах она стала обычным гнездящимся видом и вышла на второе место среди уток по численности (после красноголового нырка *Aythya ferina*, являющегося в последние годы стабильным доминантом). Специальные учёты 1997-1998 годов показали, что в эти годы здесь гнездилось не менее 15 пар крякв и поднималось на крыло 11-13 выводков (около 60 молодых птиц). Однако после 1999 года на фоне общего снижения числа гнездящихся уток вновь возросли доля и абсолютная численность серой утки *Anas strepera*, а число крякв несколько снизилось (порядка 5-10 пар), сравнявшись с серой уткой.

Нельзя исключать, что в условиях Иркутска местные птицы могут переходить к осёдлости и выступать в качестве «притягивающего фактора» для пролётных крякв, способствуя их задержке и оседанию на зимовку. Этому благоприятствует практическое отсутствие пресса охоты в устье Иркута, поскольку участок находится в черте города. Но, несомненно, основная часть крякв, зимующих в городе, составлена осевшими пролётными группами, хотя бы уже потому, что птиц в несколько раз больше, чем может быть местных молодых особей и самок.

В свете вышесказанного вероятным выглядит обратный сценарий: увеличение на Ангаре числа поздних мигрантов, остающихся на зимовку, которое связано с общим ростом прибайкальской популяции или иными причинами, могло привести к тому, что часть зимующих крякв с наступлением весны стала оставаться для размножения в Иркутске, в частности, в устье Иркута. Ознакомившись зимой с местностью, они имеют больше возможностей для раннего выбора оптимальных гнездовых участков, число которых здесь ограничено, чем прилетающие весной птицы. Эта гипотеза хорошо объясняет снижение численности крякв, гнездящихся в устье Иркута, после 1998 года: в это же время снизилось и число зимующих птиц.

Прямые свидетельства правоты той или иной версии могут быть получены лишь путём мечения уток или другими способами, позволяющими выяснить состав зимовки. Но сходство динамики численности гнездящихся и зимующих крякв вряд ли является случайным совпадением и должно быть обусловлено либо непосредственной связью размножения и зимовки, либо влиянием на них каких-либо общих экологических факторов.

Несомненно, в данный момент в Иркутске не существует крупной оседлой городской популяции крякв, что имеет место во многих других крупных городах. Среди уток, зимующих в городе, крайне редки специфические элементы поведения, характерные для урбанистических популяций, такие как регулярное использование ныряния для добывания корма (Козулин 1989), уменьшение дистанции вспугивания до 1-6 м (Корбут 1994б) и др. Однако поведение не только зимующих, но

даже позднепролётных птиц отличается меньшей осторожностью от обычного поведения диких птиц в бесснежный период. Видимо, сказывается минимум угроз для уток в пределах города, хотя отдельные случаи браконьерства нам известны; кроме того, складывается впечатление, что в морозы жизнь крякв подчинена принципу максимальной экономии энергии. Так, в городе дистанция вспугивания человеком или собакой крякв, сидящих на берегу или рядом с ним на воде, не превышает 10-15 м, тогда как в природе она заметно больше. Взлёты птиц с воды обычно связаны не с появлением людей на берегу, а с движением моторных лодок, в иных случаях утки медленно отплывают от источника беспокойства. Это ещё раз подтверждает высокие адаптационные способности вида.

Ни одно из высказанных предположений о формировании иркутской зимовки крякв, взятое по отдельности, пока не может объяснить её массового характера в 1990-е годы. По-видимому, причины лежат прежде всего в комплексной реакции популяции на ситуацию, складывающуюся в данном районе. На фоне общей «преадаптации» биологии и поведения вида к зимовкам в средних широтах, наряду с местными факторами (локальный климат, наличие незамерзающих водоёмов и кормовой базы), должно быть значимым и состояние всей региональной группировки кряквы (в т. ч. характер её экологических связей со средой обитания и количество мигрирующих птиц).

Рост численности крякв в урбанизированных ландшафтах, который сходно проявляется в разных регионах, представляет собой адекватную реакцию местных группировок на сходные изменения местообитаний и условий жизни птиц в городах. Различия в сроках урбанизации уток отражают скорость и степень антропогенной трансформации ландшафта.

Благодарим всех специалистов и студентов, принимавших участие в зимних учётах уток в 1997-2001 годах, а также А.А.Минина, предоставившего выборки метеорологических данных по Восточной Сибири.

Литература

Кожова О.М. 1995. Микробиологическая характеристика ангарских водохранилищ и оценка качества их вод // *Природные ресурсы, экология и социальная среда Прибайкалья*. Иркутск, 2: 50-55.

Козулин А.В. 1989. Бюджеты времени и энергии крякв, зимующих в условиях Белоруссии // *Экология и поведение птиц*. М.: 223-236.

Корбут В.В. 1994а. Пространственно-временное распределение // *Урбанизированная популяция водоплавающих (Anas platyrhynchos) г. Москвы*. М.: 28-70.

Корбут В.В. 1994б. Особенности жизни кряквы // *Урбанизированная популяция водоплавающих (Anas platyrhynchos) г. Москвы*. М.: 89-130.

Кучин А.П., Кучина Н.А. 1991. Поведенческие адаптации водоплавающих птиц, зимующих на незамерзающих водоёмах Алтая, к антропогенным условиям // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф*. Витебск, **2**, 2: 12-13.

Липин С.И., Сонин В.Д., Дурнев Ю.А., Безбородов В.И. 1984. Об охране водоплавающих и их местообитаний в городе Иркутске // *Современное состояние ресурсов водоплавающих птиц: Тез. Всесоюз. семинара*. М.: 192-193.

Липин С.И., Сонин В.Д., Дурнев Ю.А., Безбородов В.И. 1988. Список птиц города Иркутска и его окрестностей // *Экология наземных позвоночных Восточной Сибири*. Иркутск: 70-79.

Мельников Ю.И. 2000. Холодные зимовки водоплавающих и околоводных птиц в верхнем течении Ангары: современный статус, состояние и охрана // *Рус. орнитол. журн.* **9** (108): 16-20.

Фефелов И.В. 1997. Зимовка крякв *Anas platyrhynchos* в Иркутске // *Рус. орнитол. журн.* **6** (10): 15-16.

Фефелов И.В. 1998. Учёт зимующих уток в Иркутске: первые итоги // *Рус. орнитол. журн.* **7** (43): 3-6.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1155**: 2143*

Филин *Bubo bubo* в Степной Даурии

В.П.Белик

Второе издание. Первая публикация в 1986[*]

В Степной Даурии филин *Bubo bubo*, по-видимому, нередок, но ведёт очень скрытный образ жизни и поэтому редко попадается на глаза. В течение ряда лет пара этих сов гнездилась в 6 км к западу от станции Даурия Забайкальского района. Пара филинов, возможно, гнездилась и на окраине станции Даурия среди заброшенных сооружений.

28 апреля 1974 среди крупных обломков скал на пологом степном склоне сопки найдено гнездо филина. Находилось оно под защитой каменной глыбы с её юго-восточной стороны и представляло собой довольно обширную и глубокую ямку в почве, устланную тонким слоем шерсти и костей мышевидных грызунов. Трава перед гнездом была сильно вытоптана птицами, а площадка усеяна мелкими контурными перьями филина. В гнезде оказалось 4 яйца (3 – сильно насиженных, 1 – неоплодотворённое). Потревоженная самка к гнезду не вернулась, но птицы продолжали держаться поблизости и в первой половине мая регулярно отмечалось их довольно активное токование.

[*] Белик В.П. 1986. Филин. Краткие сообщения // *Редкие, исчезающие и малоизученные птицы СССР*. М.: 53.